Император Сухоруков

Автор:
Василий Кленин

Император Сухоруков

Василий Николаевич Кленин

Выйди из зоны комфорта! – так не раз говорил я своим клиентам. И вот настала расплата: мне предложили выбор без выбора. Пришлось отправиться в иное время, в иные земли. Я пытался выторговать себе положение получше, чтобы прожить комфортную жизнь в чужом теле. Как бы не так! Они обошли условия сделки – и всё стало только хуже. Но я выживу! Выживу назло всем!

Василий Кленин

Император Сухоруков

Пролог

Когда встречаешься с женщиной, живущей на другой стороне города, это до ужаса неудобно. Потому что ко времени, что ты тратишь на нее, необходимо прибавлять время на дорогу. Либо деньги на такси. Иной раз не знаешь, что хуже. Но, оказывается, не менее тяжко встречаться с женщиной, которая живет буквально на расстоянии вытянутой руки – по другую сторону от распложенной рядом школы.

Потому что:

«Зая, ты где? Я уже собралась!».

Даже опустим это омерзительное «зая». Но как же неудобно то, что ты (в смысле – я) всегда под боком! «Зай, я к тебе заскочу, мне макияж поправить надо!»… «Дорогой, выйди, я в продуктовом! Помоги своей любимой женщине!»… Ну, или вот сейчас. Когда живешь в трехстах метрах от «любимой женщины», опаздывать нельзя. Нельзя отвлечься на книгу или сериал и чуть-чуть задержаться. И написать: «Дорогая, тут такая пробка! Все рванули в центр!» – тоже не получится. Причем, как вы сами догадываетесь, всё это работает строго в одну сторону. Косячу только исключительно я.

«Извини, машина брюки грязью обдала, сейчас переоденусь и бегом к тебе!».

Ненавижу врать. А что делать? Ложь – смазка отношений. Только по ней и катимся.

Натягиваю ничем не испачканные брюки и бросаю прощальный взгляд в зеркало. В зеркале всё неплохо: слегка (совсем слегка! честно!) полнеющий мужчина в самом расцвете сил. Подстригся вчера, побрился сегодня. Парфюмом отдаю в меру. Галстук в тон.

Вздыхаю.

Ну, что не так-то?!

И так, и этак плохо. Женщины далекие и близкие неудобны по-разному, но одинаково неудобны. Ловите, софисты новую логическую задачу… Нет, серьезно, хоть бросай всё и к психологу обращайся.

Проблема только в том, что я сам психолог.

Тук-тук! – Войдите!

«Похоже, что вы, Михаил, слишком обросли скорлупой в своей зоне комфорта. Даже малейший шаг за ее пределы вызывает у вас дискомфорт. Так вы совсем окостенеете. Вам просто необходимо выйти из…»

Понятно. А вы точно дипломированный психолог? Или несколько раз на тренинги походили, да «Не ной» по диагонали прочитали?

«А, может, проблема не в расстояниях, а в женщинах? У вас какие в детстве были отношения с отцом?».

Быстренько выскакиваю и захлопываю дверь «с той стороны». Зигмунд, я тебя узнал!

«Проблема-то легко решается. Женился бы, жена всегда была б рядом. Никуда не надо ехать, никуда нельзя опоздать. А?».

Мама, мамочка, ну ты-то здесь что делаешь? Спасибо, конечно, за добрый совет… Хоть, про внуков не начала!

Я закрываю третью дверь. Замечаю, что она же – дверь входная. Поворачиваю ключ, оставляю свое настоящее в прошлом. Здравствуй, будущее!

Вокруг раскинулась апрельская слякоть. Я шел по двору предельно аккуратно – испачкать брюки на самом деле равнялось бы катастрофе – второй такой же отмазке «любимая женщина» точно не поверит. Да-да, недопсихолог из первой двери, я знаю, что врать плохо, что тайное всегда становится явным, что говорить правду легко и приятно – хватит пичкать меня прописными истинами!

Я окончательно закрыл все «двери», дерзко перебежал через улицу в неположенном месте и решил срезать прямо через школьный двор. Уже не в первый раз я задумался о том, чем же являются эти мои внутренние монологи? Первой ступенькой к диссоциативному расстройству идентичности? Это скажет только специалист во плоти. Я же всегда предпочитал называть это ролевым самоанализом. Ибо диссоциации у меня взяться неоткуда. Жил себе спокойно и беспроблемно от горшка и до возраста Христа, в котором благополучно пребываю поныне.

Склоняясь под волейбольной сеткой, я вызвал такси. Минуя облезлый рукоход, набрал в телефонной книжке «Единственная» и нажал вызов.

– Дорогая! Я уже подошел. Такси будет через семь минут. Одевайся! Я так тебя жду.

Конечно, через семь минут она еще не вышла. Но с другой стороны – и такси не приехало. Так что в итоге все остались довольны. Кроме меня – левая туфля все-таки протекла, и пальцы ноги неплохо так подмерзли. Но в машине полегчало. Было тепло, никакой музыки в салоне. Водитель тоже не пытался «поговорить за жизнь», а «Единственная» уткнулась в телефон и с кем-то увлеченно дискутировала. Мы плавно перемещались сквозь спальный район, пробираясь к элитному коттеджному поселку. Уже пора было начать испытывать трепет. От эксклюзивного приобщения к высшему свету.

– Дорогая, как эта группа называется? Я что-то забыл.

– Да не группа это! Фьюжн-квартет.., – она что-то ловко полистала, нашла и прочитала. – Arvicola vulgaris.

Прямо так и прочитала: иноземными буквами. С выражением. Я слегка непристойно улыбнулся. Потому что знал латынь.

Уверен, никто в нашем городе слыхать не слыхивал о группе (да, группе!) с таким претенциозным названием. Но квартирник в элитном коттеджном поселке, на который еще не так просто попасть – это манит. В этом есть аромат богемы. Конечно, я взял два флаера, когда мне их предложили! А то «любимая женщина» всё более прямо замечает, что я о ней совсем не думаю. Ничего для нее не делаю…

В общем-то, правильно замечает. Надеюсь, хоть сегодня ее порадую. Вон сколько лака на голове, сколько золота по всему телу. Явно рассчитывает с порога всем дать понять, что именно она – здесь главный экспонат. Надеюсь, так оно и будет. Мне только лучше.

Такси мягко припарковалось на гравийке возле витых металлических ворот. Которые, правда, изнутри были перекрыты каким-то убогим пластиком. Всё верно, в России нельзя плебеям за забором смотреть, как можно богато жить. Уж лучше изуродуем красивые ворота, но скроем нашу изысканную жизнь.

– А ты узнал, чей это особнячок?

– Барыги одного, – машинально процитировал я «Джентльменов удачи», но вспомнил, что в общении с «Единственной» надо избегать иносказаний. – Нет, не узнал. Мне неинтересно, если честно.

С легким трепетом я нажал на кнопку вызова. Трижды протренькало нечто мелодичное, после чего примагниченная дверь плавно отошла, как бы приглашая в тайный мир богатых людей. Просто. Молча. Не требовали сказать какие-нибудь кодовые слова или показать флаера в камеру наблюдения. Я потянул калитку на себя и с плохо скрытым облегчением вежливо пропустил свою спутницу вперед.

Внутри, кстати, всё оказалось не так сказочно, как мнилось снаружи. На парковке – асфальт, дорожки покрыты каким-то пористым бордовым материалом. По бокам – низкие голые кусты, явно не стриженные. Хотя, сам дом производил впечатление. Может, не стиля, но уж точно – бабок. Широкое деревянное резное крыльцо явно с претензией на патриотизм и «близость к земле». Дверь массивная, «антимедвежья» с вычурными кованными петлями, ручками и прочей фурнитурой.

Честное слово, я выдохнул перед тем, как взяться за ручку. Дверь на удивление легко пошла, из прихожей потянуло теплом и множественными перемешавшимися ароматами. Теперь уже этикетным трусом нельзя быть, так что я сам смело вошел внутрь. В прихожей никого не было. Нас не встречали. Ни с «чего изволите», ни с «предъявите документы». Этому дому было плевать на нас, гостей, урвавших у жизни два билета в мир высокого общества.

Зато всюду в лютейшем беспорядке были навалены сапоги, ботинки, туфли. Не знаю, почему, но именно от этой, столь близкой, знакомой с постсоветских новогодних тусовок, картины, я вдруг расслабился. В спину еще взволнованно дышала «Единственная», я же улыбнулся и громко крикнул в бесконечные просторы особняка:

– Мир вашему дому, хозяева! Принимайте гостей!

В глубине тут же что-то мягко стукнуло.

– О! Еще гости! – произнес голос совершенно неопределенного пола.

Тут же в коридор высунулась слегка всклокоченная голова.

– Здрассьте! На концерт? – мы энергично закивали. Я почему-то уже был уверен, что никто не попросит показать заветные флаера. – Отлично! Быстрее раздевайтесь, уже скоро начнут!

Голова исчезла, но резко вернулась обратно.

– Что пить будете?

– А что нальют! – я уже совсем расслабился и включил ролевую модель кухонной тусовки.

– Тогда коньяк. А даме?

«Чистый спирт», – сидело у меня на языке, но «любимая женщина» опередила:

– Вина. Красного.

Мы разоблачались, и меня, впервые за день, наполнило ожидание чего-то радостного. Казалось, будто я попал на интеллигентскую тусовку совковых времен где-нибудь на партийной даче. Где только и можно было спокойно послушать битлов, поговорить о Кафке и Маркесе, полистать эмигрантскую прозу. Нет, я сам на таком не был, но отец о подобных «тусовках» рассказывал. Вокруг всё напоминало об этих рассказах: обилие дерева в декоре, нелепое сочетание простоты и шика, манящие отовсюду книжные полки. Мы повернули направо и попали в огромную гостиную, разгороженную на зоны толстыми опорными столбами (деревянными, конечно!) и воздушными этажерками. На них красовались разные диковины и, опять же, книги. В центральной части на многочисленных креслах, табуретах пуфиках, просто на ковре сидели, полулежали и откровенно валялись почти три десятка самых разных людей. В углу что-то подтягивали, подключали, настраивали четверо смурных музыкантов.

Практически волшебным образом в моей руке оказался прохладный коньячный бокал, в котором тихо плескалось. Я втянул аромат: пахло большим количеством звезд. Люди лениво, но приветливо помахивали нам свободными конечностями.

Мы в ответ раскланялись, я нашел глазами свободный пятачок и повлек свою спутницу к цели. В особняке царил слабый теплый свет, где-то очень тихо поигрывал лаунж, перебиваемый гулом тихих бесед. Я уже просто тащился от атмосферы. Судя по всему, кругом нас тоже были гости, многие, как и мы, явно впервые здесь – это легко просчитывалось по взглядам, по поведению. Уверен, что я выглядел также, но себя трудно объективно оценить. Наблюдатель всегда должен находиться вне исследуемой системы.

А потом начался концерт…

И это было полное говно! В принципе, можно было догадаться уже по названию группы, но я не терял надежды. Увы… Трое лохмачей терзали 12-тиструнную полуакустику, маленький синтезатор и ситар. Нет, ситар – это показалось мне чрезвычайно интересным, Но оно надежд не оправдало. Дивный индийский прибор для извлечения сказочных звуков просто повторял партии гитары, ничего в аранжировку не привнося. Музыка была на редкость унылой, казалось, они просто подкладывали ноты под слова. В случайном порядке. Зато тексты! Такого количество отсылок на Юнга с его архетипами, на Кастанеду, Пелевина, Гессе, на квадратный метр я еще не слышал! Претенциозность просто зашкаливающая. Солист, закатив глаза, совокуплялся со стильной микрофонной стойкой и вываливал на нас свой навязчивый символизм, надиктованный автору псилоцибиновыми грибами.

Я стоически дождался второй песни, после чего убедился, что подобная муть ждет меня весь оставшийся вечер… И потянулся за спасательной пачкой.

Человек я некурящий, но всегда (всегда!) ношу с собой открытую и уже «начатую» пачку сигарет. Потому что в жизни всегда возникает ситуация, когда ты мечтаешь сбежать. От чего-то или от кого-то. И не существует более уважительного повода, чем «надо покурить». Стоит только тревожно помять в руках пачку, как все вокруг понимающе опускают веки, расступаются, дают проход и подсказывают, где лучше утолить никотиновую зависимость. Со спасательной пачкой в руке я раздвинул «воды Красного моря» и устремился в спасительное куда-нибудь.

Унылые песни достигали моих ушей всюду в гостиной, но здесь, в укромных уголках я, хотя бы мог не поддерживать вежливый интерес на лице к пустой искусственной музыке. Даже больше скажу, будучи ненавязчивым фоном, она уже не так и бесила. Медленными короткими перебежками, от столба к столбу, я

перебрался в самый дальний и относительно темный угол почти бескрайнего зала и затаился. Здесь можно и пересидеть чудесный концерт. Особенно, если узнать, где тут наливают коньяк…

Я предусмотрительно укрылся за стеллажом, который, как назло изобиловал книжками. Разумеется, я залип! Сверху было книг по чуть-чуть: там – немного советской классики, тут – трактаты по эзотерике. А вот прямо на уровне глаз яркими красками брызнула мне в глаза широкая батарея одной известной серии с бойкими заглавиями: «Политрук II Траянова легиона», «Инд-батюшка, Ганга-матушка», «I Съезд индейских депутатов», «Личный дизайнер Помпадурши», «Вальхалла Мичиганская», «Корсары Ивана Грозного», «Циммерман и еще одно колено Израилево», «Македонский, гоу хом!» и еще штук пятнадцать, одна кичливее другой.

Попаданцы.

«Фантазия, однако! – хмыкнул я, оглаживая глянцевые корешки. – Это кем же надо быть, чтоб в такой фантазии нуждаться?».

– Интересуетесь? – внезапно раздался голос за моей спиной. Тихий такой, спокойной, но я аж вздрогнул.

– Вот этим? – повернул голову, тыча пальцем в ядовито яркую полку. За мной стоял невысокий мужчина с окладистой бородой. Неуловимого возраста: уже предельно зрелый, но еще не старый.

– Ага, – улыбнулся тот. – Нравится читать про попаданцев?

– Если честно, нет. Разве что с профессиональной точки зрения.

– Это что же за профессия такая?

– Психолог.

Незнакомец сначала округлил глаза, а потом искра осознания мелькнула в них… и он рассмеялся. Да так громко, что сам себе испуганно прикрыл рот, чтобы не шуметь. Но потом всё равно тихонько досмеялся.

– Эк вы!… Жёстко как.

– Довелось мне почитать несколько таких книг. К сожалению, ни в одной не нашел попытки интересного и проработанного моделирования истории. Зато в каждом налицо синдром Золушки: герой весь исстрадался в этом мире, зато в другом ждут его успехи и сбыча мечт. Конечно, наиболее ярко это заметно у авторов-женщин, но и в мужской литературе та же проблема. Только фантазии немного другие. И не нужно быть специалистом моего профиля, чтобы понять, что все эти психологические проблемы сидят в голове у авторов. Которые переносят свое эго на персонажа.

Тут я примолк.

– Наверное, я проявил нетактичность. Вам, кажется, нравятся, такие книги?

– Грешен, – бородач широко улыбнулся. – Вот эти точно нравятся.

Я снова окинул взглядом полку. Только теперь я приметил, что на всех корешках указано «М. Золотов».

– Хороший автор?

– Не могу ответить на ваш вопрос, уважаемый психолог.

– Почему же?

– Книги на этой полке я написал.

«Вот это шикарный психологический этюд», – только и промелькнуло в моей голове. Стыдно не было: я же не эти именно книги хаял, а жанр в целом. Сейчас этот… писатель очевидно думает, что уж он-то особенный, что на его именно книги критика не распространяется.

– Однако, – сказал я вслух совсем другое. – Поставили вы меня в неловкую позицию.

И улыбнулся. Это в любой ситуации помогает.

– Подождите! – вдруг осенило меня. – Вы хозяин дома!

Протянул ему руку и представился:

– Михаил. Приехал по приглашению.

Хозяин, особо не спеша, но и без спеси, ответил крепким рукопожатием.

– Месроп.

– Извините, – слегка замялся я. – Сказать честно, вы не очень похожи на армянина.

– Вот и все знакомые армяне мне так говорят, – без улыбки ответил бородач. – Что поделать, человек, давший мне при рождении это имя, не удосужился потом приобщить меня к великой армянской культуре. Да и внешне я не в него пошел. Так что, при получении паспорта взял я фамилию матери.

Я вспомнил золотые буквы корешков.

– Золотов?

– Именно так.

– К стыду своему, вынужден признаться, что я даже не знал, что в нашем городке имеется столь плодовитый писатель. Издательства-то, я смотрю, центральные.

– А я особо и не афиширую. Городок у нас, действительно, небольшой, на нем тиражи особо не поднимешь.

– И что, – я обвел руками окружающие нас хоромы. – Это всё вы смогли приобрести за свои книги?

– Что вы! – Месроп замахал руками. – Гонораров мне хорошо, если на бензин хватает. Лукавить не буду, тиражи не особо большие. Можно было бы и лучше

постараться книги продавать. Но меня устраивает. Впрочем, мне гораздо интереснее вернуться к прежней теме: к той, где вы разносите в пух и прах попаданческую литературу. Может, отойдем?

Хозяин мотнул головой в темный угол гостиной. И, хотя, он весь излучал радушие, прозвучало, как «пойдем, выйдем». Возникшая двойственность смутила меня, но Месроп сделал неотразимый ход:

– Там есть коньяк.

– За тот коньяк, что мне здесь налили, я от вашего попаданчества мокрого места не оставлю!

Оказывается, в темном углу гостиной был еще проход, ведущий в почти изолированный кабинетик. Завывания насильника микрофонной стойки здесь были уже практически не слышны. Месроп сел за массивный письменный стол, а мне указал на маленький кожаный диван. Я плюхнулся с размаху и начал медленно погружаться в сочную мякоть этого мебельного шедевра. Когда погружение закончилось, меня уже ждал коньяк. Правда, теперь никаких специальных бокалов – просто стопарики.

«А так даже лучше!» – решил я и опрокинул дорогущий коньяк в глотку, аки водочку. Подышал носом, разгоняя спиртовые пары, и облегченно оплыл по спинке дивана.

– Уважаемый Месроп, – начал я лекторским тоном. – Мы ведь все знаем, что такое сублимация. Трудно спорить, что всё наше творчество (и не только оно) это сублимация наших глубоких инстинктов. Но сублимировать можно по-разному! Кто-то воспаряет над собой, своим эго, открывает то, что волнует не его одного, а все поколение. Или десятки поколений. А кто-то явно решил сэкономить на визит к психоаналитику и вывалил свои подсознательные боли. Меня никто не любит, никто не понимает, какой я прекрасный. Вот возьму меч и поубиваю всех. И те, кто останется, меня полюбят.

Хозяин дома смущенно хрюкнул.

– А можно поконкретнее?

– Разумеется! – второй коньяк вошел в организм крайне удачно. – Все герои-попаданцы, с которыми я имел честь познакомиться, были весьма неустроены в жизни. Ни карьеры, ни успеха, ни денег. В лучшем случае, середняки. Это не просто статус в обществе, уважаемый Месроп, это матрица поведения. Эти люди запрограммировали себя на такую жизнь. Либо сразу, либо жизнь заставила. Но в чужом мире всё не так: девчонки кружат голову принцам, мальчишки эти головы откручивают. Успех и величие! Прогрессорство и построение империй! Да с какого перепуга? Эти люди ничего не смогли добиться в родном мире! Где им всё просто и понятно! Где есть связи, есть близкие. Где они интуитивно понимают правила игры. А тут чужой мир, где они ничего не понимают! – я хлопнул стопкой по столу. – С кем и как разговаривать, что можно делать, а что нельзя. Иная система ценностей, иная картина мира. И герою это всё никто не объяснит. Надо вырасти в этой среде, чтобы сформировалось правильное супер-эго. Наш человек навсегда останется инородным. Он обречен. Либо он переломит все общество, либо общество переломит его. А мы помним, что эти ребята ничего переламывать не обучены. Они не альфы. Не президенты холдингов, ни генералы армий.

– Логично!

– Это еще что! – продолжал витийствовать я. – Всем этим попаданцам точно будет не до империй и принцев. Их просто убьет стресс!

– Так уж и убьет?

– Вы все не понимаете, что стресс – это не просто грустное настроение. Это реальная физиологическая проблема. Которая может и убить. Ты всю жизнь привык гадить в красивый унитаз, где за тобой услужливо смывают дерьмо, и вдруг попадаешь в настоящий ад! Где нет унитаза и туалетной бумаги, нет банальной электрической лампочки – вся жизнь в полутьме! Люди живут в холоде, мокнут под дождем, едят, что придется. И всюду тотальная грязь, зараза при полном отсутствии медицины! В нашем понимании, конечно. Ежесекундный страх заразиться и умереть. Даже от банальной царапины. О, поверьте, Месроп, такой стресс может убить! И это я только про бытовуху!

Краеугольный вопрос в мировоззрении – отношение к смерти. Всего лет двести назад в сознании людей оно было радикально иным. Люди в массе своей были готовы к смерти. Равно как и готовы убивать. Смерть подкарауливала их за каждой подворотней. Ценность жизни была мизерной. Мы же живем совершенно

иначе. Готовность убивать есть совсем у немногих, и она порицается обществом. А уж желание жить у рядового жителя XXI века просто зашкаливает. Он просто не сможет жить в мире убийц и смертников.

– Значит, вы не верите в то, что наши современники способны выжить в прошлом и как-то повлиять на него?

– Дело не в вопросе веры. Я вижу, что попаданческие авторы не пытаются реалистично исследовать этот вопрос. Они только выплескивают на мониторы свои влажные фантазии. Они не желают думать, что современный человек помрет еще на уровне знакомства с местными бактериями. Наш прекрасный, стерильный, живущий на таблетках человек не выдержит первого же приступа диареи. Первой же инфекции. Уже несколько поколений мы игнорируем принципы естественного отбора. А там, в прошлом, они о себе напомнят. И, когда придет пора умирать – первым помрет наш дорогой попаданец.

Хозяин квартиры старательно оглаживал бороду. Это был явный жест волнения, хотя, по лицу и не скажешь – Месроп явно учился контролировать мимику.

– Знаете, Михаил, вы весьма убедительны. Взгляд на картину глазами скептика и психолога довольно интересен. Просто… Просто всё, что вы сказали – это теоретические измышления. Голые игры разума, ничем не подкрепленные.

– Но простите, а какие еще могут быть измышления по такому вопросу? – возмутился я. – Попадание в прошлое – всё это лишь умозрительные эксперименты. Не хотите же вы сказать…

– Хочу, – глухо перебил меня хозяин дома. – Да, я хочу сказать, что могу судить об этом вопросе с практической точки зрения… И хочу сказать это именно вам.

Чертов коньяк испарялся из организма со сверхзвуковой скоростью. Сначала я едва не засмеялся, задавив хихиканье из уважения к хозяину. Но, глядя на его сосредоточенное лицо, веселость уходила из меня медленно, но верно. Куча вопросов заполняла мою голову: один удивительнее другого. Но задал я самый дурацкий.

– А почему именно мне?

– А потому, дорогой Михаил Николаевич, что это вас непосредственно касается.

– Касается? – холодок страха пробежал по моей спине. Я точно не называл ему свое отчество.

– Именно так. Вы расслабьтесь. Выпейте еще коньячку. Хотя, разговор нас ждет непростой.

Я демонстративно отодвинул свою стопку еще дальше.

– Можно и так, – вздохнул Месроп. – Я знаю ваше отчество. И фамилию знаю. И этот странный коллектив я пригласил к себе только для того, чтобы ненавязчиво подсунуть вам флаеры, чтобы, в свою очередь, вы со своей… спутницей пришли сюда.

Бородач замолчал.

– Это так тяжело говорить… В общем… В общем, новость такова, что скоро вы умрете.

Увидев мою бурную реакцию, он предостерегающе протянул руку:

– Нет-нет! Поймите правильно, я вам не угрожаю. Это просто факт. Увы, это факт.

Месроп выдвинул ящик стола, погрузил в него обе руки и вынул на свет божий папку. Знаете, такую старую картонную папку. Серую с черными буквами «Дело №». И матерчатыми шнурками. На папке синим жирным карандашом было аккуратно выведено: «Михаил Солодкий».

– Вы еще не знаете, но вы уже смертельно больны. И вылечиться вам не удастся.

Я громко рассмеялся. Наверное, слишком нервно – но меня можно понять.

– И только у вас, конечно, есть средство, чтобы меня спасти!

– Нету. Я же сказал, что вы не вылечитесь. Нет, Михаил, я не мошенник и не вымогатель. И, поверьте, меньше всего мне хочется убеждать вас в этом прискорбном факте. Но приходится. Вот смотрите.

Он неспешно развязал папку. Достал оттуда фотографию.

– Два года назад вы сделали себе татуировку – жалящую змею. Почему, кстати?

– Яд, который лечит – как символ моей работы.., – промямлил я, глядя на фотку, где была моя татуха со змеей. Именно что моя! А сделал я ее на внутренней стороне плеча, сфотать не так уж и просто.

– Ясно. В тату-салоне, Михаил, вы подхватили вирусный гепатит С. Вам очень не повезло: многие люди живут с ним десятилетиями, но у вас очень скоро развился цирроз. Вы ведь чувствуете, что, помимо обычной утомляемости у вас появились боли в животе, проблемы с пищеварением и, пардон, газы? Таблетками закидываетесь, однако, обследование так и не прошли. К сожалению, ситуация уже необратима. У вас уже начались отеки ног, живота, печень уменьшилась. Еще пара недель – и вас госпитализируют. Врачи будут бороться, но закончится всё печеночной комой и смертью.

Говоря всё это, он полисточно потрошил свою отвратительную совковую папку. Доставал какие-то справки, бланки с нечитаемым врачебным почерком, столбцами цифр анализов, синюшными печатями. Судя по печатям и общему ощущению, это были не копии, а оригиналы документов. Причем, идеальные оригиналы: ни линий сгиба, ни загнутых углов, ни потертостей.

С пылу, с жару, что называется!

Это был бред, полнейший бред! Я не верил ни одному слову, ни одной справке, особенно, когда на них пошли даты из будущего. Поверх всего этого сумасшествия легла запись акта о смерти, датированная августом этого года.

Четыре месяца!

Я честно попытался рассмеяться снова, но уже не получалось. Очень уж несмешная шутка получилась. А потом… А потом из недр папки появилось то, от

чего мои пальцы заледенели.

Завещание.

Да, на свое 33-летие я решил выпендриться и составил завещание. Потому что – думал я тогда – никто не хочет думать о своей смерти. А думать надо. Вот и пошел к нотариусам с полушутейным документом, скорректировал, чтобы уже совсем на клоунаду не походило, заверил и положил в сейф. О завещании почти никто не знал. Тем более, никто не читал. Копия лежала в конторе, оригинал у меня. И сейчас передо мной лежал еще один «оригинал». Слово в слово! С теми же переносами, на той же бумаге. С подписями и печатями.

– Не понимаю.., – прошептал я. – Такого ведь просто не может быть…

– Михаил, вам очень сложно. Но я прошу вас собраться. И решить: верите вы мне или нет. Если не верите, то можете спокойно дослушать концерт и пойти домой. Наутро обратитесь к врачу. Но за пару недель до госпитализации это уже не повлияет на ситуацию. Насколько мне известно, ситуация необратима. Может быть, это будет не четыре месяца, а шесть. Но это будут месяцы боли, страданий и осознания того, что впереди – скорая и неизбежная смерть.

– А если поверю?..

– А если поверите – у меня имеется для вас предложение. Скажем так, шанс…

Месроп снова замолчал, собираясь с мыслями.

– Сейчас я вам скажу вещи, еще более удивительные, чем всё предыдущее. Но вы, пожалуйста, не воспринимайте меня каким-то сверхсуществом, божеством. Я человек. И много лет жил самой обычной жизнью. Но однажды обнаружил в себе дар. Странный дар. Я научился находить людей, которым по той или иной причине грозит гибель. И отправлять их в другое место. В прошлое.

Он остановил меня, выставив ладонь, но я и не собирался говорить.

– Не спрашивайте, как это работает! Не знаю. Людей просто чувствую. Интуитивно понимаю правила этой странной игры. И знаю дорогу. Причем, точка

выхода – это всегда загадка.

Снова пауза.

– Так вот. Если вы мне поверите, я предлагаю вам пройти этим путем. Уйти в иное время. И попробовать прожить другую жизнь.

– Попробовать?

– Да. Шанс не высок. Вы очень верно подметили многие трудности, с которыми сталкивается наш человек в прошлом. На самом деле, их еще больше. Но человек удивительно склонен к выживанию. Такое вытворяет!

– Много выжило?

– Вы видели мою книжную полку. Это всё – истории… скажем так, победителей.

– Я, признаться, не считал.

– Одиннадцать книг, – слегка укоризненно пояснил хозяин дома.

– А из скольки?

Месроп молча показал мне обложку папки. Напротив печатного «Дело №» ручкой было выведено «0062». Я не подумал о том, что пропорция успеха не такая уж и ужасная. Нет, я думал о двух первых нулях: мой «Вергилий», похоже, собирался «спасти» не меньше тысячи человек.

– Допустим, – выдавил, наконец, я из себя. – И как все это будет происходить?

– Вам нужно только дать согласие. Не нужно ничего подписывать, принимать внутрь или втирать снаружи, куда-то ехать. Так что никакого развода, обмана. Если я вам солгал, разыграл вас – то вы просто потом можете встать с дивана и поехать домой.

– Просто сказать «да»?

Скепсис снова овладел мной. Всё опять стало напоминать какую-то странную игру.

– Просто сказать, – кивнул Месроп. – Можете еще выторговать себе какие-нибудь выгодные условия на старте.

– Это как?

– Да, примерно как в компьютерной игре. У вас есть некое количество очков, которые можно раскидать на силу, ловкость, интеллект и так далее. Но здесь можно попытаться заполучить всё. Хоть, пулемет, хоть, бессмертие – если на это хватит очков.

«Какое интересное интеллектуальное упражнение, – причмокнул я мысленно. – Поиграть?»

– И как это подсчитать?

– Вы говорите, а я отвечу: возможно это или нет. Но сразу скажу, бессмертия не просите – вам это не по карману.

Я задумался. Ужас слегка отступил под напором надежды. «Ну, конечно, это всё шутка! – вопила она в моей голове. – Дурацкая шутка зажравшегося от своего богатства чудака!».

Что же мне нужно?..

– Первым делом, я бы хотел не оправляться в прошлое сам. Хочу вселиться в чужое тело. В тело местного жителя, который уже пожил там и имеет все нужные иммунитеты.

Месроп-проводник задумался и кивнул.

– Это возможно. Причем, учитывая, что вы смертельно больны, это обойдется вам совсем недорого. Иначе, это было бы нечестно. Но такой способ вселения сразу лишает вас возможности взять с собой что-либо материальное: пулемет или справочник «Как сделать порох в домашних условиях». Любую вещь. И,

конечно, вы должны понимать, что в теле носителя будет только ваше сознание. Донор исчезнет. А то люди думают, что мозг – это просто биологический жесткий диск: записывай на него сколько хочешь сознаний. Увы нет, личность – это миллиарды исторически сформировавшихся нейронных связей, которые нельзя запараллелить. Кстати, первое время тело будет вас плохо слушаться – пока новое сознание не возьмет управление в свои руки.

Я кивнул.

– Могу ли я выбрать время и место?

– Нет. Сюда правила игры не распространяются. Единственное, что могу сказать на основе имеющегося опыта: это точно будут не последние два века. Но и не далее двух-трех тысячелетий в прошлое. И любое место, где жили люди.

– Тогда хочу, чтобы мое тело было молодым и здоровым!

– Здесь вилка, – ответил Месроп после некоторой паузы. Он будто сверялся с прайсом у себя в голове… или переговаривался с кем-то. – Можно заказать либо здоровье, либо возраст.

Я задумался. Конечно, хотелось выбрать здоровье… Но зачем оно будет нужно 90-летнему деду?

– А можно фифти-фифти? Допустим, пусть у меня хотя бы будут на месте руки-ноги и голова, ну, а возраст – с 15 до 40 лет. Хватает очков?

Проводник задумался надолго.

– Можно, – наконец, ответил он. – Еще идеи есть.

Идея у меня была. И, если что и могло меня спасти в чужом мире, так только она.

– Раз уж я вселяюсь в чужое тело, то давайте извлечем из этого максимум выгоды. Хочу попасть в тело правителя!

И я замер в ожидании. Месроп сначала нахмурился, запустил пятерню в бороду. Но потом складки на лбу разгладились.

– Наверное, это возможно. Уточните формулировку вашего пожелания?

Я почуял себя человеком, заключающим крайне опасный контракт. В котором любая запятая, поставленная не там, может всё погубить.

– Я хочу попасть в тело правителя местного сообщества, – начал я тщательно подбирать слова. Подумал и спешно добавил. – Законного, легитимного правителя!

Хозяин дома покивал.

– Да, это подходит. Вы даже не весь лимит желаний не исчерпали. Хватает на совсем маленькое последнее желание.

– Даже не знаю, что еще добавить, если бессмертие нельзя, – попытался я скрыть за шутеечкой смущение. – Может быть, вы что-нибудь посоветуете?

– Нет универсального совета, – вздохнул Месроп. – Все ситуации такие разные… Разве что… Мой опыт подсказывает мне, что попаданцы чересчур сильно рассчитывают на свои сильные стороны. А иногда на помощь приходят слабости. Которые люди так не ценят, но они являются частью натуры человека. И нередко именно они прекращаются в полезный инструмент или оружие. Кого-то спасает его страх, кому-то помогает его страсть.

Перед моими глазами всплыли шизофренические двери выдуманных психологов.

«Будете моим оружием?» – усмехнулся я. Никто не ответил.

– Ну, пусть будут слабости.

Месроп весь как-то подобрался – как кот перед прыжком на зазевавшегося голубя.

– Значит, вы даете свое согласие?

– Валяйте! – махнул я, ибо недавний ужас совершенно отпустил меня.

«Сейчас я встану, поблагодарю хозяина за увлекательную игру, заберу «Единственную» – и уеду. И больше ни ногой в этот район!».

Увы. В этот же момент на меня упала какая-то ткань, опутав с головы до ног. Свет начал плавно гаснуть, звуки стали приглушенными… А потом я вдруг понял, что сижу не на диване, а на каком-то камне.

В нос ударила вонь копоти, пота, каких-то трав. Я заозирался в полумраке, взгляд натыкался на какие-то оскаленные пасти чудовищ, яркие пятна факелов… Голова закружилась, тело стало каким-то ватным, непослушным – и я кулем рухнул на пол. Тут же я понял, что нахожусь в помещении не один. Ко мне кинулись сразу несколько человек… страшных расписных человек в перьях, каких-то бусах.

Они что-то вразнобой голосили, а у меня в мозгу колотилась мегакапслочная мысль: ЭТО ПРАВДА! ЭТО ВСЁ ПРАВДА! ТВОЮ МАТЬ, ЭТО БЫЛ НЕ РОЗЫГРЫШ!!!…

Ужас сковал мое тело. До меня даже не сразу дошло, что я ни слова не понимаю из того, что голосят эти дикари. Я не понимал ничего!

Страшные люди с выпученными глазами тянули ко мне руки. Лежа на шершавом полу, я попытался защититься, однако правая рука лишь вяло шевельнулась. Бросил на нее взгляд и ужаснулся: рука была совсем маленькая, усохшая, кривая и лишь омерзительно подергивалась, как бы я не пытался ею пошевелить.

Они провели меня!

Часть I. За жизнь

Глава 1. Обратный клапан

Кажется, было мне лет восемь, когда случился у меня приступ аппендицита. Бывает так: кто-то до смерти спокойно носит в себе этот отросток, а меня совсем юным чикнули. Ужас тех дней ничто не переплюнуло за всю остальную жизнь. Я остро помню перепуганное лицо матери, чужих холодных людей в белых халатах. Меня куда-то везут, я лежу с жаром и понимаю – меня будут резать. В меня воткнут нож! От страха хотелось реветь – и я ревел. Но ничего не помогало. Двери регистратуры закрылись за мной. Там, за ними осталась моя плачущая мамочка, осталось всё, что дарило мне радость. Меня же влекут в мир страха и ужаса. Здесь никто (никто!) меня не любит, я никому не нужен, мне намерены причинять страшную боль. Я лежал на больничной койке с сырым матрасом и колючей простыней, и мне хотелось умереть от чувства обреченности. Ничто в целом мире не сможет остановить то, что происходит! И мне остается только ждать и бояться.

…Все ужасы детства снова радостно заполонили мой разум. Словно, никуда они не исчезали, а лишь тихонько ждали в уголке своего звездного часа. Причем, маленький я еще мог надеяться на то, что после страданий и мучений меня все-таки ждет мир любви и радости, мир, наполненный близкими людьми. А здесь… если верить бородачу Месропу, я обречен быть в этом кромешном аду всегда. По крайней мере, пока не сдохну.

Разум отказывался признавать свершившийся факт. Сумрачная картинка, странная вонь, душная жара тропиков – всего этого не могло быть! Но было, как и многое другое. Я снова лежал в неудобной сырой постели, укрытый какой-то колючей тряпкой, а нутро мое вымораживал огромный кусок льда обреченности.

Как я в нее попал?

Ах да… Доли секунды непонятного колдунского перехода – и вокруг вдруг резко приглушили лампочки, врубили батареи, открыли дверь бани, да насыпали кринжового антуража. Я – новый, пока еще непонятный мне я – сидел на каком-то камне. Передо мной достаточно просторное помещение, но размеры его оценить трудно. Отблески света факелов и лампад таили интригу, стен толком не видать. Видно какие-то разрисованные колонны в центре, таящихся в полумраке неведомых существ… Людей?

В деталях я разобраться не успел, так как тело мое начало заваливаться вперед, ибо, как и предупреждал Месроп, разум мой им толком не владел. С ужасом я увидел, что сидел не просто на камне, а еще на каком-то постаменте со ступенями. Тоже каменными. Чтобы не грохнуться всем телом, я вскинул вперед руку… попытался вскинуть. И дело не в неуправляемости! Я с ужасом разглядел, что правая рука моя была маленькая, тощая, какая-то вся кривая… Она вяло подергивалась, и от этого зрелище становилось еще ужаснее. Это была моя рука! Моя новая кривая усохшая рука! Рука инвалида.

Я безвольным кулем свалился на камни (по счастью, обратным эффектом неуправляемости стала почти полная болевая нечувствительность). Снизу успел рассмотреть, что камень, на котором я восседал, был сидением. Массивным, украшенным резьбой.

«Неплохо так», – успел мельком оценить я. Но тут ко мне из полумрака кинулись люди. Или это были черти? Я же оказался ни в каком не в прошлом, а в самом обычном аду. Бросившиеся ко мне… существа были смуглы, косматы, и каждый по своему уродлив. Почти все полуголые, тела то ли расписаны, то ли растатуированы. У одного в руках была дубина. По крайней мере, мне так показалось.

– Нет! – заорал я в ужасе, но из глотки с трудом выползло лишь болезненное сипение.

Мое тело (мое?!) оказалось абсолютно бессильным перед ними. По счастью, это было не нападение. На лицах… все-таки людей читался страх. Не участие ко мне упавшему, а именно страх – это я точно разглядел. Их грубые грязные руки начали бесцеремонно меня ощупывать, а у меня не имелось сил отстраниться. Дикари галдели наперебой, заглушая друг друга. Мои уши были туго набиты ватой, однако, я очень быстро осознал, что не понимаю ни слова. Какой-то булькающий, квакающий и совершенно незнакомый мне язык.

И вот тут, только тут настоящий ужас заполонил всё мое нутро, превратившись в огромный кусок льда. Это катастрофа! Я захватил тело, которым не могу управлять, и не могу даже словом перекинуться с местными. Мой разум – единственное оружие, что я смог взять с собой в эту жуткую реальность – совершенно беспомощен. Я ничего не знаю, не понимаю. На каждом шагу меня поджидает провал и смерть!

Мычание, полное боли, изверглось из моего рта, тело вяло задергалось: то ли само, то ли разум принялся дергать «рычаги управления» – грубо и неумело. Окружающие приподняли меня за руки, за ноги. Попытались поставить вертикально, но я тряпичной куклой поплыл вниз. Тело поддержали. Дикари растерянно замерли, глядя на меня и не понимая, что делать. Наконец, кто-то отдал гортанную команду – и меня поволокли куда-то.

Еще более темные коридоры, крутая лесенка, дверной проем, завешанный расписными тряпками – и вот я в относительно небольшой комнате. В центре – бесформенная груда чего-то. А нет – это постель. Меня аккуратно уложили на груду, накрыли тряпкой и удалились, что-то тихо бормоча под нос. Под десяток носов.

Бессильный, онемевший я лежал на неудобной постели и силился переварить кусок ледяного ужаса. Сил явно не хватало. Обреченность сжимала мне горло. Страх убивал остатки воли.

В это время в комнату пробралось чудовище.

Ну, простите! Я действительно на миг так подумал, когда шторки заколыхались, и в щель протиснулась огромная уродливая морда. Ядовито-яркая, оскаленная, вся в крови. А глаза – жуткие. Мертвые. Они-то первым и выдали – маска это. Чертовски искусная и страшная маска. Безжизненные глаза «уставились» на меня. Что-то зашелестело, застучало, зазвенело – и в комнату зашел щуплый мужичок. Весь обвешанный странным, с какой-то скалкой в левой руке, и дымящейся плошкой – в правой. Помахивая дымком, он начал выписывать скалкой замысловатые вензеля.

– Буль-Цоль-Коль-Моль-Ква! – непонятно закудахтал он и давай тыкать в меня скалкой.

Я задергался, хоть, выходило и слабо. Однако, за дымок мужичка мысленно поблагодарил – хоть какой-то приятный запах появился в этом коктейле. Мужик (шаман? местный медработник?) меж тем неистовствовал со своей скалкой. Старался за совесть – видно было сразу. Мне до сих пор не прилетело только каким-то чудом.

«Давай, мужик, старайся! – взывал я к нему. – Наколдуй мне ваш язык в голову!»

Глупо, конечно. Да только в моей ситуации печальной за любую соломинку будешь хвататься. «Медработник» тоже решил, что глупо. Или процедура лечения закончилась. Помахав на прощание плошкой, он пополз к выходу и забормотал что-то под нос. Что-то удивительно похожее на то, что бормотали люди, приволокшие меня в эту… опочивальню. Видимо, так положено со мной прощаться. Вернее, с тем, чье тело я занял.

А вообще мужику надо сказать спасибо. Очень нужна шоковая терапия для того, чтобы вывести меня из ступора. Сначала маска эта жуткая, потом комические кривляния: меня сунули сначала в лед, потом в огонь, чтобы я забыл вкус горького.

Мозг встряхнулся… Мой «новый мозг». Ладно, потом будем пытаться шутить, а сейчас надо собраться с мыслями. Проанализировать. Самое трудное – принять этот удивительный факт. Я переместился! Тело явно чужое. И время, похоже, чужое. И люди – вот уж точно чужие! Разум сходил с ума, объяснений не было. Чудо – и всё тут.

Ну, что ж, давайте так и запишем. Я прикрыл чужими веками чужие глаза и занялся аутотренингом.

«Чудо есть… Чудо случилось с тобой… Тебе выпал шанс…»

Фразы формулировались с трудом, но постепенно я собрал их и повторял их раз за разом, покуда мысли не стали привычными, очевидными. Затем открыл глаза и снова уставился в подкопченный потолок.

«Ладно. Что мы имеем? Игра оказалась реальностью. И правила вроде как соблюдены, да только банкую здесь не я. Хотел правителем стать? Сидеть в каком-нибудь Версале, хрустеть французской булкой и молиться, что ты Людовик не того номера, которому голову гильотиной отрежут? Формально не обманули. Мое тело явно принадлежит какому-то местному владыке. Камень тот резной, с которого я грохнулся – это что-то типа трона. На ручках носят, под нос почтительно бубнят. Поздравляю! Ты теперь владыка какой-то деревни! Император кучки дикарей!.. Жесть. Это ведь ни нормального сортира, ни газеты по утрам, ни балов хоть каких-нибудь. А вместо образованного лейб-медика – мужик со скалкой».

С тоской я повернул голову и уставился в узенькое окошко. Там зеленело что-то необъятное и бурнокипящее. Что-то совершенно чужое. Джунгли.

«Дальше: захотел ты готовое местное тело, выжившее среди всех местных бед и болячек. Получил! Всё по ТЗ, как в договоре «прописано». Но только тело. Никаких тебе знаний, пониманий! А здесь все говорят и думают по-иному. И понять их нет никакой возможности. Один неверный шаг – и положат меня под гильотину. Хотя, куда там? Судя по этим рожам, будут меня потрошить каменными ножиками долго и со вкусом».

Что-то опять стало до ужаса тоскливо. Невольно полезли в голову мысли о самовыпиле. Проще пролезть в тесное окошко да головой вниз – чем дальше мучиться. Правда, не факт, что за окном достаточная высота для суицида.

«Погоди-погоди, Михаил Николаевич! Давай уж до конца, коли начали! Просил ты тело не слишком молодое и не слишком старое. И получил, как по заказу. Судя по коже, я достаточно молод. И конечности присутствуют. Только вот самая важная из них – правая рука – это какая-то отвратительная неработающая культя!».

Вот это, конечно, был самый подлый ход с их сороны. Так прицепиться к моей формулировке и так меня наколоть! Не знаю, кто были эти… существа, что подослали ко мне Месропа, но видно, что им сарказм не чужд.

Единственное, с чем не обманули, так это со слабостью. Околошизофренические собеседники сидели в голове и охотно ввязывались в диалог.

«А ведь, если я тут сразу не помру, мне только с ними и получится общаться. Так и до настоящей шизофрении недалеко».

Кто-то в моей голове нервно хихикнул и стих.

Грустный получался анализ. Неутешительный. Но хоть что-то хорошее в моей ситуации есть?

– Я еще живой, – с трудом выговорил мой непослушный рот. Губы и язык неуклюже ворочались, выговаривая непривычные сочетания звуков. Я же с

ужасом вслушивался в совершенно чужой голос и корявое произношение. Одно дело – осознать теоретически факт смены тела, и совсем другое – проникнуться этим полностью.

А занавески на двери снова заколыхались.

Нет, на этот раз не чудовища. Скорее, даже наоборот. Одна за другой в комнату вошли две девушки. Совсем молодые. Вошли, низко склонившись, прошли, что называется, по стеночке. Я невольно принялся их разглядывать, тем более, что юные дикарки особо ничего не скрывали. Пара символических тряпочек, да несколько простеньких браслетов на руках. Конечно, девчонки были так себе. Не толстые, но какие-то оплывшие, сутулые. Груди крепкие девичьи, но не округлые, а конусовидные. Волосы густые, черные и чем-то обильно смазанные. Словно, салом. Ну и росписи: по телу, по лицу. Как-то дико это всё.

«Однако, на девок засматриваться у тебя энтузиазм не пропал, господин император деревни!», – раздалось из-за одной из дверей в моей голове, и я с силой пнул по ней мысленным сапогом.

Девчонки, меж тем, медленно приближались к моей постели. О нет! Конечно, нет. Ничего такого. У одной в руках был кувшин, у другой – широкое блюдо или поднос. На последнем покоилась расписная миска. Рядом на широком зеленом листе лежал какой-то разваренный вытянутый корнеплод. Опустив глаза в пол, девушки подошли совсем близко, опустились на колени и поднесли подношения (я могу это действие описать только так: нарочито тавтологически). Посидели. Я максимально реалистично отыгрывал ветошь – даже не шевелился. Неуверенно переглянувшись, девчонки встали, отступили на шаг, но упорно продолжили чего-то ждать.

«Да что вам нужно?» – взвыл я про себя.

Сконцентрировался. Разум начал посылать всякие разные сигналы телу. Левая рука вяло, но отозвалась. Я пошевелил пальцами, сжал кулак – вышла какая-то куриная лапка. Но уже хлеб! Медленно выпростал руку из-под «простыни», с трудом поднял в воздух и махнул кистью от себя.

Убирайтесь, мол, девки! Не до вас великому владыке.

Жесты отнюдь не такой универсальный язык, как о нем пишут в книгах. Слишком много на них наложено культурного, специфического. Но самые базовые движения – движения действия – понятны на интуитивном уровне.

И девушки подтвердили мою теорию. Пару мгновений на их лицах появилось недоумение, но служанки покорно склонились и вышли, пятясь раком. Эти, кстати, ничего не бормотали под нос. Странно.

Я занялся доптестированием тела. Повертел шеей. Согнул ног в коленях – правая пошла гораздо хуже. Попытался поднять их в воздух, но сил уже не хватило. Поворочался, попытался повернуться на левый бок. На правый. Очень плохо, но сделать это получилось.

– Ну, давай! – выдохнул я, перевалился на живот и пополз к еде.

Поверьте, человеку с атрофированной правой рукой, у которого и остальное тело еле работает, это было испытание. Но передо мной был первый вызов, которому я как-то мог противостоять! И даже испытал кроху радости, когда смог добраться до девчачьих даров. Махонькая, но победа в партии, где пока мне ставят шах за шахом.

Взялся за горлышко кувшина, только поднять его не смог. Подтянул к нему морду лица и принюхался: у воды определенно был какой-то легкий запах. Пить хотелось жутко. Я медленно наклонил сосуд на себя, присосался к горлышку. Сделал два больших глотка, пролив вокруг себя вдвое больше. Ну что – неприятно теплая, застоявшаяся вода. Надеюсь, не сдохну.

Переполз к подносу. В миске находилось что-то вроде каши. Вернее, какой-то отварной крупы. Отварной до состояния клейстера. Причем, «каша» была густо замешана с чем-то бурым, неоднородным. Мой желудок, уже слегка управляемый разумом цивилизованного психолога, не вылезающего из эстетских кофеен, судорожно сжался. Пришлось глубоко продышаться, после чего я осторожно понюхал содержимое миски. Несло чем-то кислым и горьким одновременно, а не ароматами масла и молока.

«Не, – поморщился я. – Не настолько сильно я голоден».

Левая – относительно здоровая – рука потянулась к вареному овощу. Еще теплый. Поднес к лицу один кусок и подозрительно обнюхал. Вообще ничего не почуял.

«Вода б такой была!» – пробурчал я и, затаив дыхание, укусил. Однородная масса была хорошо проварена, но совершенно безвкусна. Соли нет! Вот с солью я бы это поел с удовольствием! А так… а так поем без удовольствия. Надо же хоть что-то в себя закинуть.

Дожевал пресный корнеплод, запил парой глотков затхлой воды и откинулся обратно на спину. В комнате стало совсем темно. За окном вечерело, но солнце еще точно не зашло. А в помещении был кромешный полумрак. Никогда не задумывался о том, как же люди жили без банальных лампочек! Одну такую не заменит десяток факелов. Может, и сотня. Здесь всюду царила тьма, а люди отвоёвывали у нее жалкие клочки освещенного пространства.

Для меня же тут вообще ничего не отвоевывали! Зачем этому полудохлому свет? Без ночника обойдется. Тем более, что полумрак мне не сильно и мешал. Вот же блин! Я только сейчас понял, что никогда в жизни не видел мир так ясно, сочно, в деталях. Хоть в чем-то мне повезло с этим телом: у пациента было просто превосходное зрение. Конечно, насколько его мог оценить я – человек с наследственной близорукостью, привыкший видеть мир в тумане с самых ранних лет. Теперь же! Теперь я вглядывался в полоток и видел трещины в штукатурке, зернистые разводы копоти. Разводы слегка кружились в странном беззвучном танце, потолок медленно уходил в небо…

– Я еще живой, – шептали мои губы, когда глаза сомкнулись, и сон тихо кутал уставший разум.

Глава 2. Соматические решения

– Нееееет… – отчаянно застонал я, когда открыл глаза и не увидел привычной квартиры, стола с ноутом, стильных шторочек на окне. Осознание утраты родного мира с прежней силой навалилось на меня.

«Это не сон, господи! – возопил я всуе. – Ну, за что!?»

Попытался проговорить вчерашнюю мантру, но теперь это совершенно не помогало. Мне снился дом, снилась счастливая прежняя жизнь – а тут ее резко отняли, сунули в мерзкий гадюшник… Я натянул простыню на голову, только бы не видеть окружающее меня паскудство.

Но жизни плевать на твои страдания. У жизни свои планы. Вот и сейчас я не смог сконцентрироваться на глобальных несчастьях: жутко хотелось в туалет. По большому – умеренно, а вот по маленькому – хоть заливай всё вокруг!

Спустил тряпку, повернулся, приподнялся на руках и тут же рухнул. Совсем забыл, что вместо правой руки у меня скрюченное недоразумение. Да как мне жить с ней?! Зарычал с досады, сел в постели, оперевшись на левую руку и огляделся. Вообще, в комнате вдоль стен стояло много разных вещей: сундучки, полочки с мелкой утварью. Но я искал конкретную вещь – ночной горшок. Я точно где-то читал или видел, что древние короли гадили в изысканные фаянсовые горшки. Увы: в моих апартаментах ничего подобного не обнаружилось. И вчерашние кувшин с подносом унесли – а я уже был готов и туда отлить!

Кряхтя и постанывая, поднялся на ноги. Голова резко закружилась, я спешно оперся рукой на стену, понимая уже, что мне поможет только левая. Ноги были словно «отлёжанные», всё норовили сложиться, но старанием и волевым усилием их уже можно было заставить двигаться. Правая, действительно, работала чуть хуже – мне вчера не показалось. Похоже, моему телу когда-то сильно досталось – и досталось правой стороне. Рука вообще почти перестала расти и функционировать, нога пострадала в меньшей степени. Мне даже показалось, что она чуть короче левой.

Однако философствовать было некогда. Я прицелился на окно, понял, что не «дострельну» – очень высоко. Оставалось идти наружу и… как-то решать вопрос. Ссаться в постель, как немощный, я отказывался категорически.

Было страшно. Страшно идти на первый контакт с дикарями. Что я им скажу, как покажу? Показать-то можно… но не будет ли выглядеть странным, что владыка жестами объясняется?

Верно говорят, что нет более целеустремленного человека, чем тот, кто хочет в туалет. Отбросив рефлексию, я по стеночке двинулся к занавеси. Выглянул в темный коридор – там тут же всполошно вскинулась какая-то тетка. Вытаращилась на меня, потом опомнилась, скрючилась в позу почтения. Я еще мучительно размышлял, как к ней обратиться и поведать о своих нуждах… а оказалось это и не требуется. Тетка взяла меня под локоток и, что-то успокаивающее бормоча, повела во тьму переходов. Шагов тридцать – мучительных, неуверенных шагов – и мы оказались перед маленькой клетушкой из кирпича, которую даже не стали штукатурить. Дырка в полу и наклонный желоб, ведущий вниз, не оставляла сомнений в функциональном назначении этого домика кума Тыквы. Отстранившись от моей спасительницы, я прошел внутрь. И понял, что у клетушки не было ни двери, ни шторочки. А тетка стояла напротив в почтительной позе и не сводила с меня глаз (хоть, это и было трудно сделать).

«Вы что, мадам, наладились лицезреть весь процесс?» – округлил я глаза, не зная, как еще показать свое… несогласие. Женщина всем своим видом показывала, что не понимает моих намеков. Ну… ок. Я планировал сразу оба дела сделать, но можно обойтись и маленьким. Отвернусь от нее и совсем не буду стесняться. К тому же, не факт, что мои непослушные ноги удержат тело на корточках.

Я отвернулся и принялся одной рукой распутывать кусок ткани, которым были обмотаны таз и промежность. Выходило плохо, я толком не понимал, как оно намотано. Дергал, дергал – и вдруг почувствовал ее ладони на поясе. Тихим, успокаивающим движением она погладила меня по боку, потом плавно распутала ткань. И… и такой покой снизошел на меня! Впервые с момента попадания в этот треклятый мир мне стало спокойно. Никакого смущения, равно, как и никакой похоти. Только ничем необъяснимое чувство защищенности. Опоры.

Мне показалось, что это была реакция тела. Которая передалась уже на мой разум. А женщина эта – видимо, очень дорогой для бывшего владыки человек. Вряд ли мать, больно сильно приходилось ей кланяться передо мной. Возможно, кормилица, служанка, что вырастила его с соплячьего возраста. Заботилась о нем, любила. И тело это помнило. Даже мне передало остатки теплых чувств.

«Спасибо тебе, женщина», – едва не всхлипнул я от всех подкативших к горлу чувств. Чего-чего, а чужого тепла мне сейчас очень не хватало.

Ощущение оказалось пронзительно ярким, но мимолетным. Исчезло прикосновение – пропало и ощущением тепла. Я смущенно сделал свои дела и поковылял назад, стараясь на этот раз запомнить дорогу. Понадеялся, что сейчас меня поведут в местный аналог ванной – но нет, я снова попал в свою клетку. Там уже стояли еда с питьем. На этот раз только миска с прежней подозрительной кашей. А жрать, как назло хотелось нестерпимо! Поковырялся маленькой лопаточкой, вздохнул и, стараясь не вдыхать «аромат», сунул первую пайку в рот. Клейстер с комочками. Разжевал его, как мог – и поскорее проглотил.

«Что дальше?» – донеслось из-ментальных дверей в моей голове.

А что дальше… Похоже, буду лежать, жрать и испражняться. Пока меня на кол не посадят. Или как тут у них принято с одержимыми демонами обращаться?

– Сейчас время лежать, – произнес я негромко. Вышло достаточно свободно, без напряжения. Тело всё лучше слушалось меня.

Однако грандиозным планам не суждено было сбыться.

Он был первый, кто вошел в мою комнату без поклона. Мужчина. Крепкий. Смуглый. С перьями на голове, которые торчали из диадемы красивым полукругом. В расписном переднике и обильными крашениями по рукам, плечам и шее. Глянул на меня – у меня аж сердце зашлось. Бешеные глаза. Лицо спокойное, а вот глаза.

Человек встал передо мной, широко расставив ноги, и что-то отрывисто произнес. Обращался он даже не ко мне, но я узнал гортанный голос, что вчера велел людям поднять меня и волочь из темного зала в спальню.

В комнату, явно следуя команде властного гостя, уже вбежали вчерашние девушки. Склонившись гораздо более старательно, чем накануне. Не тратя времени, служанки (рабыни?) начали доставать отовсюду какие-то сундучки, мешки и еще непонятно что. Меня вежливо, но непреклонно поставили на ноги (я уже мог не опираться на стену). Намотали на тело какой-то изысканный передник – еще более яркий, чем у того мужика с замашками хозяина. Сложили его какими-то мудреными складками и притянули толстым поясом, расшитым

бисером. Уложили тяжелое оплечье с неизвестными мне драгоценными камнями. Какие-то бусы, какая-то тесная шапочка, даже в уши вставили резные фигурки (у меня, оказывается, в ушах дырки огромные – любой палец пролезет!). Поверх всего на плечи набросили накидку: ткань сверху очень искусно утыкана маленькими яркими перышками. Безумно красиво, но носить крайне неудобно. В завершении на обеих руках, даже усохшей, застегнули широкие браслеты из зеленоватого камня.

Меня готовили, как видно, напоказ. Что того слона. По улицам будут водить? Или еще какая нужда?

Мужик-Хозяин придирчиво осмотрел меня, хмыкнул, а потом мотнул головой в сторону дверного проема: иди, мол. Длинные острые стрелы перьев на его диадеме смешно качнулись. Но вот мне было совсем не смешно. Нет, мне было, пипец, как страшно! Меня ведут к людям! Сейчас надо будет что-то делать, а я ни сном, ни духом…

Ноги сделались ватными и начали подгибаться, девчушки-помощницы спешно кинулись поддержать своего горе-«императора». Может, закосить? Плюхнуться в падучей, показать, что я «самый больной в мире человек»? Но Хозяин так зыркнул на меня, что ноги тут же начали переставляться, увлекая мое тело к выходу. К ужасу, провалу и гибели. Стало нестерпимо холодно.

В коридоре я растерянно замер: а куда идти? Пока я изучил только один маршрут – до туалета. Мужик, как назло, шел сзади. Тяжело дыша, я оперся о стену, имитируя слабость и выигрывая время. Легкий толчок в бок – неприятно, но я понял, что нужно идти налево. То есть, мы точно наряжались не для сортира. Пока я неуверенно шагал вперед (по счастью, развилок не было, только дверные проемы в другие комнаты), Хозяин подобрался сзади и негромко стал мне что-то наговаривать на ухо. Это явно были указания. И очень важные!

«Блин, мужчина, я даже готов вас слушаться! Всё, что угодно! Но я нифига не понимаю!» – хотелось разрыдаться от бессилия. У меня даже мозг скрипел от напряжения – так старательно вслушивался я в тихую речь. Но даже отдельных слов не мог разобрать, одно сплошное ква-ква-цок-цок-буль-буль.

Хозяин не забывал подталкивать неуверенного «императора». Было неприятно, но зато я шел верной дорогой и почти не сбивался. Миновал смутно знакомую

лестницу… и вот он и зал. Тот самый. Только людей поболе. Мой сопровождающий резко отстал. Я обернулся – а он, гляди-ка, скрючился в поклоне, и бочком-бочком вдоль стеночки.

И я стою – словно канатоходец на веревке. Только я нифига не канатоходец. И стоять нельзя – грохнусь.

«Нельзя стоять!» – рявкнул я сам себе и сделал шаг. К трону, конечно. По залу прошелестел совокупный вздох… Видимо, восторга. Все же вчера видели, как владыку корчило на полу. А тут идет! Царственными ножками!

Надо еще увереннее. Я широкими шагами поднялся к трону и уже почти сел на него. Хорошо, с управлением телом возникла заминка. Но за это время «к сцене» выбрался водянистый толстяк. Часть головы у него была гладко выбрита, а оставшиеся волосы вымазаны то ли глиной, то ли какой-то жирной краской. Он подошел к резному постаменту неподалеку и поднял на руки… ну, видимо, корону. Богатый головной убор с кучей перьев в разные стороны – интересная икебана. В свете факелов явно блеснуло золото. Толстяк подошел ко мне и торжественно водрузил сие произведение на мою голову. Попыхтеть, конечно, пришлось – я теперь парень рослый. После Глиняный Толстяк склонился в уже знакомом поклоне и протянул обе руки перед собой в направлении трона.

Ну, это понятно.

Я осторожно воссел, вызвав очередной вздох толпы. Им хоть пальчик покажи… На императора тут, похоже, ожидания заниженные. Хотя, если показать им пальчик правой руки – это реально всех поразит.

Незаметно к подножию трона вышел мой утренний гость. Коренастый Хозяин ловко развернулся перед Глиняным и что-то торжественно начал вещать. Я ясно видел, каким ненавидящим взглядом окатил его спину толстяк, но промолчал. Окружающие люди что-то закудахтали, по одному стали подходить к «моему величию», изысканно кланялись, что-то говорили, протягивали в мою сторону руки, а потом уходили в полумрак, бормоча знакомые уже фразы. Я поначалу кивал каждому, но потом понял, что делаю что-то не то. Не императорское это дело – раздавать кивки каждому встречному.

Кстати, подходили к трону не все. Я увидел женщину, частично седую, с невероятно сложной прической, чересчур полную в верхней половине тела, что делало ее неказистой. Она стояла сильно справа от меня и постоянно косилась в мою сторону. Но ничего не говорила, не кланялась. Кстати, это был самый одетый человек из мною виденных: всё тело матроны было закутано расписной тканью. Также неподвижно стояли мужчины с увесистыми палками в руках. Палки непростые – утыканные чем-то острым и блестящим. Стеклом? Камнями? Все они были в серых стеганках без рукавов, надевавшихся через голову. На головах у них были деревянные ободы с нащечниками, а сзади из каждого обода вверх торчал пучок красных волос. Похоже, это стража. Кстати, один такой мужчина стоял совсем безоружным. Но его вид красноречиво говорил, что в этом зале самый опасный – как раз он. И даже палка ему не нужна. Всё лицо изрезано ровными шрамами, голова крепко сидит на толстой шее – хоть бревном бей, не покачнется. Жилистые руки тоже шрамированы, а татуировок, которые здесь так любят, не видно.

– Тотлай мицок! – раскатисто крикнул Хозяин, воздев руки.

Дождавшись тишины, он зычно затянул какую-то речь. Судя по протянутым вперед ладоням, он явно представлял кого-то. Мой остроперый гость был крайне воодушевлен, его тон всё повышался, словно, в конце он рассчитывал на бурные рукоплескания, переходящие в овации. Увы, местный народ вяло откликнулся на речь Хозяина. В освещенный центр зала вышел новый участник «марлезонского балета». Уже в годах, с покатыми плечами и округлым брюхом. Но самой выдающейся частью его тела был, конечно, нос – просто баклажан какой-то. И по форме и по цвету. Одет в расписной передник, утянутый непомерно широким поясом, который подчеркивал дородное чрево. На плечах накидка с перышками – почти как моя! Но вот на голове ничего, окромя густых волос, стянутых пестрой тесемкой.

Носач поклонился мне, хотя, дон Карлеоне безусловно отметил бы, что он сделал это без должного уважения. На людях даже Хозяин вел себя со мной почтительнее. Разогнувшись, сунув за пояс большие пальцы рук, Носач начал какую-то длинную речь. Я уже перестал вслушиваться в слова, ловил только интонации. Гордость. Самолюбование. Уверенность в себе. Надо было догадаться, что в моем дворце другие особи не водятся. Он что-то явно расхваливал. Кто же это? Посол, восхищенно описывающий свою страну? Купец, рекламирующий свои товары?

Я вздрогнул от строгого взгляда Хозяина. Тот повернулся ко мне и вопросительно вздел густые брови. Оказывается, Носач уже закончил свою речь. И закончил ее вопросом. Все! Все вокруг ждали от меня ответа. Меня прошиб холодный пот. Я не имел представления о том, что отвечать. А имей даже – не знал, как это произнести.

Что делать? Встать и гордой походкой уйти в свою каморку? Сработает? Но Хозяин пригвоздил меня к трону своим пронизывающим взглядом. Он заговорил медленно, раздельно, разжевывая мысль Носача для своего туповатого императора.

– Вема ннцо намо? – спросил он в конце, и так я узнал первое слово местного языка.

«Ннцо». Или. Потому что, говоря первое и третье слова, он выкладывал передо мной свои ладони, сложенные чашкой. Как будто это были чаши весов. Это или это? Выбирай уже, «владыка»! На чашах могло быть что угодно: морковка или лук, сегодня или завтра, мир или война… Но мне почему-то казалось, что здесь всё просто: да или нет. Причем, наверняка «да» это «вема». Люди всегда начинают с согласия, а потом переходят к отрицанию. Так мыслит наш мозг, и различие языков тут вряд ли играет роль.

«Разобрался? – хмыкнули из-за ментальной двери. – А отвечать-то что будешь? Что нет, что да?»

Я нахмурился. Носач явно хотел услышать «вема». А чего хотел Хозяин? А все остальные? Вопрос был явно краеугольным в этой сумрачной банке скорпионов. И главное: а что нужно мне? Не вчерашнему императору деревни, а Михаилу Солодкому! Кому угодить? Под кого лечь? Решения не было. И решение пришло само.

Полуприкрыв глаза, я постарался расслабиться, по возможности освободив тело от своей воли. Точнее, стал прислушиваться к телу. Я вспомнил, как точно обозначило оно отношение к старой служанке, и решил повторить.

– Нна… на, – робко шептали мои новые пухлые губы. Тело не хотело соглашаться. Не знаю, что это было: ответ на вопрос или неприязнь к Носачу или Хозяину. Но это было пока единственное мнение. Осталось либо согласиться,

либо пойти поперек.

Я медленно выдохнул.

– Намо! – хотелось выкрикнуть это гордо и уверенно, однако вышло вяло и безэмоционально.

Но бомба взорвалась знатная! Носач выпучил глаза, нахмурился (а нечего тут мне пальцы за пояс засовывать… перед императором!), потом молча развернулся и решительно пошел прочь из зала.

«Вот гад! А где поклоны и бормотание фраз?».

В зале все шумели и галдели, что те чайки на птичьем базаре. Мельком я успел разглядеть, как краем рта криво улыбнулся шрамированный мужик Глыба. Но вся моя радость улетучилась, стоило перевести взгляд на Хозяина. Лицо его было неподвижно, зато черные глаза метали громы и молнии. Склонившись (я практически слышал, как гневно скрипит его тело!), он «почтительно» указал мне руками на выход. Глиняный снял с меня корону-икебану, и я пошел уже знакомым коридором.

А спину мне жгли два луча смерти.

Глава 3. Из желтого кирпича

Едва мы уединились, грянула буря. Сильная рука схватила меня за плечо и шваркнула о стену. Какой же он сильный! Или я такой слабый? Хозяин предплечьем вдавил мое горло и что-то тихо и яростно выговаривал мне. Знал бы он, что все его речи утекают впустую! Ну, как впустую: я стоял ни жив, ни мертв. Неужели убьет?! – металась в голове единственная мысль. Я тогда не знал, что Хозяин был последним человеком во всем дворце, которому нужна была моя смерть. Пока же я вяло трепыхался и пытался нащупать левой рукой хоть что-то, годное под определение «тяжелый тупой предмет».

В этот момент из-за занавески появилась женщина. Та самая, грустная и молчаливая, со странной прической, закутанная в ткани. Она тихо вскрикнула, кинулась к нам, ухватила моего угнетателя за локоть, что-то непрерывно вереща неприятным, надтреснутым голосом. Хозяин обернулся, рыкнул и зло оттолкнул тетку от себя.

Да это же моя мать – озарило меня вдруг! Вернее, мать этого… Женщине было очень страшно, она излучала страх, но всё же кинулась защищать свое несчастное чадо. Как могла.

Сейчас женщина сидела на полу с растрепавшимися волосами. Она разревелась, тихо поскуливала и тянула руку к нам, что-то прося у мужчины.

«Ну, понятно, что просит, – осознал я, кривясь от боли в горле. – За кровиночку родную. Ох, женщина, плачьте жальче! Я уже на пределе!».

Слезы матери проняли Хозяина. Он опустил взгляд, что-то пробурчал грубо, потом ухватил меня за оплечье и швырнул куда-то себе за спину. Естественно, я не удержал равновесия и рухнул прямо на свою недоруку. Тело пронзила боль. Что ж, болевые ощущения ко мне тоже вернулись…

Пока я потирал ушибленную куриную лапу, Хозяин подошел к женщине, сжал в крепкой горсти ее спутанные волосы, повернул лицом к себе и начал что-то выговаривать. Периодически тыча в меня толстым пальцем.

«Непонятно, – я старательно смотрел вниз и в сторону, следуя неписанному кодексу бета-обезьяны. – Я «император». Мать моя – тоже, наверное, «императрица». Вон и подле трона стояла. Но что-то моя корона тут мало значит. И кто тогда этот мудила, что позволяет себе трепать мать владыки на его же (моих!) глазах? Как мне реагировать? Гневаться? Кликнуть стражу? Кстати, тот генерал Глыба вряд ли пляшет под дудку Хозяина».

Я бы кликнул эту чертову стражу – больно уж сейчас меня бесил Хозяин – да не знал, как это сделать.

Меж тем, злыдень закончил выговаривать и толкнул женщину в мою сторону. Рыдающая и до ужаса некрасивая в этом состоянии «мать» даже не встала. Она поползла ко мне на четвереньках, села рядышком и начала что-то говорить

срывающимся голосом. Говорила, говорила, сглатывала слезы, поглаживала мое колено. Убеждала, словно нужно было ребенку укол поставить. «Как комарик укусит – и всё! А потом я тебе мороженку куплю…».

«Женщина, да вы хоть целый час уговаривайте! – вздохнул я. – Не понимаю я ни слова! И рад бы помочь, да никак».

Я, конечно, лукавил. Мне прекрасно было известно, что просила у меня Мамаша, и чего добивался Хозяин. Всего лишь сказать «вема» вместо «намо». Просто согласиться на что-то, чего очень хотел этот мужик. На пару с наглым Носачом.

Всего лишь.

Но ведь у этого «да» наверняка будут последствия! Черт его знает, какие! Это даже не вопрос про пики точеные, тут всё может оказаться намного страшнее. И я печенкой чуял, что ответил правильно. Печенкой и в переносном, и в прямом смыслах. Все-таки телу доверился, когда ответ выбирал. Хозяин – злой. Он наверняка хочет что-то плохое. И давать ему это нельзя. Только вот, с другой стороны, я в его власти. Не знаю, насколько, но он явно не в первый раз орет на своего «императора». Швыряет его, как кутенка. Может быть, разумнее уступить?

Всегда приятно, когда тебе мешают сделать сложный выбор. Да, это не спасение: принятие решения всего лишь откладывается. Но кто не любит отложить неприятное на потом? Вот и я вздохнул с облегчением, когда в комнату снова вверглось «чудовище». Мой давешний Медработник был не один, а сразу с четырьмя подельниками. Те тоже были в масках (правда, заметно попроще). По старой доброй традиции местного здравоохранения, они энергично окуривали всё вокруг дымком из плошек. Зато скалок «медбратьям» не полагалось – это была прерогатива старшего.

Рекомый старший, что-то напевая и нетерпеливо припрыгивая, устремился ко мне, ухватил за здоровую руку и резко поднял на ноги. Всей пятеркой меня принялись окуривать под заунывные песенки. Хозяин лезть в происходящее не стал, я понял, что у местного клира тоже есть своя власть, куда даже мой персональный деспот лезть не решается. Шаманыши поправили на мне все одеяния и украшения – и снова куда-то повели.

Знакомые коридоры, знакомый зал… но меня ведут дальше! Нестерпимый яркий свет ударил меня по истомленным сумраком глазам – я впервые в этом мире вышел под жаркое тропическое солнце. Встал, закрылся было ладонью, но один из шаманышей быстро одернул мою руку. Они уже взяли меня в коробочку и подвели к еще одному трону.

Я жадно вертел головой, оглядывая новый мир. Справа от меня (это был юг) кучками налеплены глинобитные серо-желтые домики, которые плавно уходили в гору. Слева (соответственно, на севере) такие же домики плавно спускались к неширокой мутной реке. Всё это перемежалось изогнутыми кусками полей и огородиков, пучков деревьев. Типичная деревня, вплетающая свою плоть в окружающую местность.

А прямо передо мной находилась небольшая желтая площадь, на которой бушевала толпа.

Они окружали площадь неровным кругом – сотни две, если не три. В основном, мужчины, но имелись в толпе и женщины, и дети. Все – смуглые, черноволосые, все едва одетые. Дети вообще мельтешили под ногами взрослых голы и босы.

«Полюбуйся, величество – твои подданные», – съязвили из-за двери.

Зрелище и впрямь не вдохновляющее. С другой стороны, для меня сейчас главное, чтобы эта толпа меня не убила. Может, рукой им помахать?

Я даже попытался дернуть правой рукой, по привычке забыв, что я калека. А пока вспоминал это – уже одумался. Мало ли чего эти люди от меня ждут? Может, им тут хлеб нужен! Или права гражданские. А мои махания для толпы станут, что красная тряпка быку.

Сдержался. Сел на выносной трон, предоставив событиям идти своим чередом. Народ, кстати, мое появление оставил без особого внимания. Ни одного чепчика в воздухе я не увидел.

«Я вообще точно император?».

Оказалось, толпа ждала жрецов. Медработник с подельниками оставили меня сидеть на камне, а сами рванули в центр площади. Уже не сдерживая себя, всё это шапито начало прыгать и плясать, окуривать народ и петь песни во всю глотку. В толпе хит подхватили, и вскоре площадь гудела одним неровным хором. Выходило нестройно, но я вынужден был признать: птичий/лягушачий язык моих подданных для пения весьма подходящ. Медработник периодически выскакивал на периферию площади, к самым людям и что-то восторженно кричал. Я только теперь заметил, что толпа стояла не одним сплошным кольцом, а несколькими кучками. Посчитал – шесть кучек. Не считая дворцовой челяди, что столпилась подле моего величества. В кучках царила иерархия: в центре стояло старичье одетое побогаче, а вокруг уже – разновозрастное отребье. Детвора летала электронами по стихийным орбитам – детям пофиг на иерархию.

Знаете… Всё происходившее во дворце еще можно было посчитать дурным сном. Каким-то театром абсурда, который вертелся вокруг моей персоны. Но вот тут я увидел жизнь. Настоящую, текущую своим чередом. Люди жили тут до меня: строили свои ласточкины гнезда, окучивали огородики, раздавали поджопники расшалившимся детям. Вот пришли на свово амператора глянуть, потом дальше пойдут жить: кашу кисло-горькую варить, забор поднавливать, передники стирать. Это была реальность – тут уже ничего не попишешь. И я – в ней. Остается только смириться с этим фактом.

Глаза мои слегка увлажнились от непрошенной рефлексии.

«Хватит ныть! – зло одернул я сам себя. – Как будто и так непонятно!»

Зажмурился, выжал слезки жалости к себе и с нарочитым тщанием уставился на площадь. Там шоу развивалось. Случилось, по-видимому, то, чего очень ждали многие. В центр двинулся седой, частично лысый мужчина с посохом. Скорее, даже дед. Кучка, от которой он отделился, разразилась радостными криками. Шаманыши тут же окружили его и давай окуривать в восемь рук! И Медработник тут как тут: кричит чего-то громче общих песнопений, радуется. И народ подзуживает.

Смотрю, а с другой стороны еще один человек в круг выходит. Сделал два решительных шага, резко остановился. Кулаки сжимает нервно, на свою кучку зло косится. Странно. Его, кстати, толпа встретила не радостным «Аа!», а скорее изумленным «Оо?». Медработник оживился, заметался между обоими… добровольцами. То в небо руки тянет, то на двух славных «парней» указывает,

то кругом проводит, указуя на мой славный народ.

Ничего не понятно, но, действительно, очень интересно. Добровольцев подвели в самый центр. И тут второй, выглядевший явно помоложе, что-то гневно заорал. Прямо на старика. Руками замахал. И даже толкнул его! Тот какое-то время терпел насилие, а потом , как треснул молодого посохом!

И клянусь – началась драка! Молодой не выглядел суперменом, но я был уверен, что он тремя ударами старичка опрокинет. Куда там! Двое сцепились дикими зверями! Они били друг друга руками, ногами, впивались зубами в плоть. А толпа вокруг ликовала! Наконец, драчуны повалились наземь и стали кататься по площади. В итоге встал только один – ожидаемо это оказался более молодой дикарь. Старик тяжело дышал, тощие ребра высоко взымались. Периодически грудь его дергалась от бесшумных рыданий.

«Ну, хоть жив» – выдохнул я, не подозревая еще, что меня ожидает.

Победитель яростно закричал, ни к кому не обращаясь. Потом подошел к Медработнику и протянул руку. Тот помахал своей дымокурней, а затем достал из-за пояса черный ребристый каменный нож. Вложил его в руку «чемпиона» и резко отскочил в сторону, закружился, завывая какую-то новую песнь. Я сжал каменные подлокотники и затаил дыхание. Неужели старика убьет?! Но действие пошло по совершенно иному сценарию.

Мужчина воткнул нож себе в грудь! Не очень глубоко, но основательно. А затем сделал длинный разрез наискось. Слева направо. Кожа на его груди раздалась в стороны, обнажив сочащееся мясо. По телу победителя густыми слезами потекла кровь, живот постепенно начал окрашиваться красным. Я вжался в свой холодный трон. У него даже мускул на лице не дрогнул! Это было жутко и волнующе одновременно. Нехорошие предчувствия начали наполнять мой разум, но особо подумать мне не дали.

Порезанный чемпион развернулся спиной ко мне и раскинул руки. Толпа с дальнего края площади быстро расступилась, и я увидел желтую дорогу. Прямая, как стрела, она уходила на восток. Наверное, единственная прямая в этом мире органичной, естественной кривизны. Настолько прямая, что я видел ее всю насквозь, а тянулась она метров на пятьсот. На другом конце дороге находилась…

Это была большая платформа, на которой покоилась платформа поменьше. Высоту их трудно определить отсюда, но она была немаленькая. На второй платформе стояло ярко-раскрашенное здание. К гадалке не ходи – это храм…

А между тем, все вокруг уставились на меня. Кроме раненого чемпиона. Блин, я опять что-то делаю не так! Или не делаю.

«Ну, соберись, Михаил Николаевич! Не будь дебилом! – зубоскалили за дверями. – Открылся путь к храму. И от тебя все чего-то ждут. Сложи дважды два!».

Я встал. Надо идти. А как? Впереди чемпиона? Позади? Может, чего-то говорить надо, дорогу указывать?

Меня начало колотить от волнения. Кажется, это было заметно со стороны. Ладно, говорить ничего не буду – всё равно не умею. Пойду медленно-медленно, может, по ситуации вырулю.

Так оно и вышло. Едва я сделал шаг к желтой дороге, как всё вокруг ожило, зашевелилось. Толпа по краю площади двинулась мне за спину, шаманыши окружили уже чемпиона и дали тому знак, что нужно идти. А вот жрец-Медработник пристроился ко мне. Уж не знаю: так всегда полагается или опытный служитель культа догадался, что я могу учудить, и решил подстраховать.

Он бесновался поодаль, завывал песни, но я не решился подражать. Всё равно не получится, только спалюсь. Шел по возможности величественно, глядя строго перед собой. Иногда косился под ноги, где на чистых желтых кирпичах всё чаще появлялись почти черные капли крови.

Платформы оказались высокими – каждая почти с мой рост. Наверх вела крутая лесенка, по которой поднялись уже только семь человек: чемпион с шаманышами и я с Медработником. На первой платформе моему взору предстала какая-то странная конструкция. Это был алтарь, но какой-то непростой, непонятного функционала. К моему ужасу, вскоре мне всё наглядно объяснили.

Через две крепкие деревянные рамы перекинули несколько веревок. Все их привязали к ногам чемпиона, который уже лег на камень. Медработник в это время неприметными толчками направил меня туда, где мне, видимо, положено стоять – а именно за алтарь. Шаманыши разбежались по обе стороны, ухватились за веревки, так что чемпион повис в воздухе вниз головой. Его руки были крепко привязаны к телу. Верховный жрец снял с алтаря широкую глиняную чашу и поставил на камень платформы.

А дальше началось ужасное. Медработник что-то увлеченно проорал оставшейся внизу толпе. Потом выхватил нож и всадил его в тело чемпиона! Тело жертвы – уже можно не прятаться от страшной истины. Подвешенный застонал от боли, но пересилил себя и начал что-то напевать. Молился. Что он просил у богов? Спасения? Смерти? Верховный жрец стряхнул в чашу капли крови с ножа и снова ударил. Всё это происходило буквально в полутора метрах от меня! Кровь отлила от лица, в животе возникла пугающая тяжесть – мне стало так плохо, что хотелось спрятаться.

Медработник резал без злобы и ярости, жертва встречала удары с радостью – но на моих глазах убивали человека! И для всех это было нормально! Толпа внизу любовалась струйками крови, которые начали капать в чашу, она радовалась стойкости чемпиона!

– Чудовища! – еле слышно бормотал я, не в силах закричать, остановить этот кошмар.

Хренов император!

Я пропустил момент, когда жрец убрал нож. Пританцовывая, он прошел за алтарь и достал… Формой, узорами это было похоже на его вчерашнюю скалку. Только больше, увесистее. К тому же, вдоль нее торчала большая пластина черного блестящего камня с пугающими острыми, рваными краями. Медработник широко помахал мегаскалкой перед толпой, которая взорвалась криками ликования.

«Нет-нет-нет!» – заметался ужас предчувствия в моей голове.

Но жрец, конечно, не услышал. Мощно замахнувшись, он изо всех сил рубанул своим орудием в основание черепа жертвы. Подвешенный мужчина оборвал

свою полумолитву-полуплач… Черный камень с первого раза перерубил позвоночник, но не всю шею. Голова качнулась к груди, но осталась висеть на коже и мышцах горла. Из обнажившейся шеи в чашу густо потекла кровь.

Жрец рубанул снова. Еще раз. Еще. И оторванная голова покатилась вниз по ступенькам. Счастливые люди быстро подхватили ее и куда-то понесли. Кто-то мочил в крови ладони и мазал щеки красным. Некоторые подтирали капли бурой жидкости с камня.

Меня трясло. Ноги почти не слушались меня, хотелось прислониться к стенке, но вокруг ничего не было. Внутри всё заледенело от ужаса. Как… Как можно сотворить такое? И радоваться, словно дети?! Я не попал в страшную сказку, это всё происходило вокруг меня на самом деле! На самом деле только что был убит человек. Затыкан ножом, зарублен топором… Нет, это точно не сказка. Сказки щекочут нервы, а здесь нервы просто разорваны в клочья!

Я боялся шевельнуться, боялся упасть, боялся хоть чем-то выдать свое присутствие. Взгляд прикован к подвешенному телу, которое дергалось, разбрызгивая кровь из отрубленной шеи.

И тут багровая рука схватила меня за плечо!

Кровь застила мне глаза, я вообще не видел, что снова все уставились на меня и чего-то ждут. Медработник уже пару раз окликнул оцепеневшего «императора» и, наконец, тронул за руку. Я резко уставился на него вытаращенными от ужаса глазами, жрец даже осадил назад. Но потом снова взял меня за руку и потянул к телу и чаше.

Что?! Что он хочет? Я начал вяло выдергивать руку, но его хватка только окрепла. Шаман, видимо, был проницательным типом. Он явно чувствовал, что со мной происходит. Хотя, и не мог догадаться о причинах такого странного поведения. Вывод Медработник тоже сделал верный. Начал что-то мягкое успокаивающее ворковать, поглаживать по плечу. Но медленно-медленно, по миллиметрам, подводил к треклятой чаше. Видимо, шутливое погоняло, что я ему дал, было не такой уж и шуткой.

Человек в маске снова указал на чашу, полную крови. Что-то произнес и указал на верхний ярус платформы. Я уже собрался затрясти головой и сдать назад…

но тут воображение ярко показало мне, как я сам вишу вниз головой, как в меня раз за разом втыкают нож, а потом…

Слезы навернулись у меня на глазах. Но я заставил себя сделать шаг и склонился над чашей. Обезглавленное тело, дергаясь, едва не касалось моей головы. Кровь капала на ноги, руки, тело. Я ощутил резкий кислый запах, и вдруг понял, чем так странно пахла каша, которой меня потчивали второй день. Желудок сжался, и я едва не пополнил сосуд иным содержимым.

Отдышался. Протянул руки… Стоп! Руку! А как я этот сосуд одной рукой подниму? Он же на полведра. Оказалось – легко. Едва я коснулся ручки чаши, двое шаманышей тут же ухватились за выступы и подняли ее в воздух. Мне достаточно было лишь коснуться. Всей троицей мы синхронно развернулись и пошли вверх по второй лестнице – к храму. Впереди нас подвывал и приплясывал верховный жрец. Снова веселый и довольный жизнью…

Он первым подошел к зданию и распахнул створки ворот. Толпа внизу ахнула. Я же нет. Впереди был только полумрак. Мы вошли в тень. Внутренности храма оказались довольно просторными: шагов десять в ширину, а в длину – пятнадцать или даже двадцать. Плохо было видно, к тому же сзади стояли какие-то перегородки. А в центре… Я даже замер.

В центре лежал огромный каменный диск. Высотой по колено и в диаметре метра три. Был он сложен из аккуратно подогнанных блоков и навскидку казался идеально круглым. Внешняя грань – обод – вся изрезана рисунками, смысл которых пока от меня ускользал. Но самое интересное – из центра этого диска, как из дыры торчал… Змей? Дракон? Червь? Огромное изогнутое шахматным конем существо! С чешуей, шипами, клыками и прочими подобными атрибутами. На меня вылупились два огромных глаза, но ни лап, ни крыльев. Фигура была вырезана из дерева, видимо, из цельного причудливо изогнутого ствола, и полностью покрыта желтой краской. Та кое-где облупилась, но идол всё равно производил сильное впечатление.

Вторая пара шаманышей закрыла двери храма изнутри, и вся честная компания простерлась ниц перед своим резным кумиром. Жрецы что-то пели синхронно, похлопывая ладонями по полу.

Пауза. Потом они снова немного попели, похлопали – и замерли. Наконец, раздосадованный Медработник встал, с ворчанием подошел ко мне, схватил за здоровую ладонь и макнул ее прямо в кровь. Меня как удар тока пронзил! Кровь была еще теплая. Только что она текла в живом человеке! Который ходил, говорил, о чем-то мечтал.

Я взвыл, вызвав удивление у жреца. Тот постоял пару вдохов, но затем продолжил начатое. Поднял мою ладонь и принялся мазать ею, как кистью, по пасти чудовища. Наконец, отпустил и помахал руками: давай сам, мол, придурок.

И я дал.

Это было ужасно. А что делать? Закусив губу, я раз за разом погружал руку в кровь и мазал, мазал эту прожорливую морду, требующую, чтобы его кормили человеческими жизнями. Руку жгло, как будто я вымазал ее ядом или гнилью. Начал оттирать ладонь о передник… не знаю, нарушал я что-то или нет, но мне было так мерзко, что я не мог себя заставить остановиться. Тёр, тёр, тёр, даже не сразу заметил, что вся пятерка жрецов поднялась, отошла к выходу. Я двинулся было за ними, но Медработник, уже убедившийся в моей непутевости, выставил ладонь, останавливая меня, а потом указал на центральную циновку перед идолом.

На колени вставать? Я глянул на окровавленную пасть чудовища.

«Ну уж нет! Хоть, режьте меня, я перед этой тварью на колени вставать не буду!».

Нередко, для людей, на которых давят обстоятельства, переломным фактором становится какая-нибудь совсем малозначимая мелочь. В своей практике я сталкивался с этим часто. Разъяснял пациентам механизм, учил разгружаться… А теперь вот сам. И мне совсем не хотелось разгружаться! Весь накопившийся протест прорвался… и я демонстративно уселся на циновку царственным задом. Вот так!

Спина напряжена, я чувствовал на себе взгляд пяти пар глаз. Ждал чего угодно: гневных криков или даже удара. Вместо этого на меня накатила волна света, сменившаяся тьмой. Они вышли из храма и заперли ворота! Я остался один в

сумрачном зале, освещенном парой тусклых лампад. Всё пропахло кровью, а сверху на меня алчно пялилась оскаленная пасть чудовища.

Меня что, навсегда здесь замуровали?

Разговоры в тени – 1

– Иттануака, ты уезжаешь?

– Конечно! Что еще мне делать в вашей дыре?

– Зачем поливаешь грязью Крыло? Это дом бога, дом владыки. Это столица.

– Поезжай к нам, на Великую, почтенный – и ты поймешь, какая дыра эта ваша столица. Крыло давно стало кривым отражением настоящей столицы в мутной воде. Как и ваш Недоносок – такое же кривое отражение настоящего владыки.

– Не буду спорить… Но всё же, почему ты так поспешно уезжаешь? Ты – дорогой гость всего моего рода! Приходи к нашему очагу, вкуси наших плодов, отведай свежей чичи. Мы рады тебе!

– По-твоему в моем доме мало плодов и чичи? Да я могу пить какаулатлу практически ежедневно! По-твоему, я приехал сюда, чтобы просто поесть у очага Черной Рыбы? Скажи, почему Недоносок мне отказал? Ведь ты уверял, что убедил его!

– Клянусь Седьмым Небом, Иттануака! Я принудил его согласиться. Он был покорен моей воле, как никогда. С помощью сестры мы даже убедили его, что ему самому понравится… Я не понимаю, что случилось. Вчера у Недоноска был припадок, он стал совсем плох. Возможно, что-то помутилось в его глупой голове.

– Куакали, я тебе, как друг скажу: ты лезешь в гору, держась за гнилую веревку.

– Да неужели? Как будто, я сам это не знаю. Только другой у меня нет. Потому я позвал тебя: вместе мы сможем держать в кулаке всё Крыло! А значит, нашим станет всё, вплоть до Великой.

– Куакали, ты не можешь даже заставить Недоноска сказать одно нужное слово! Зачем мечтаешь о вкусном олене, если не способен поймать мышь?

– Я заставлю! Беру в свидетели Черную Рыбу, я выбью из него согласие! Недоносок боится меня, он послушается сестру. Завтра же! Приходи завтра – и мальчишка даст согласие!

– Ты хочешь, чтобы я унижался просьбами ежедневно? И получал отказ за отказом? Ну уж, нет. Мне хватило сегодняшнего. Я еду домой… И приеду на новую луну. Я спрошу вашего жалкого владыку в последний раз. И, если снова услышу «нет» – даже не подходи ко мне. Живи во дворце, пока толстая жаба Мохечеката не перебьет всю вашу семейку.

– Ты не услышишь «нет», почтенный!

– Постой. Подходит пора сбора маиса… Я приеду через две луны. У тебя будет побольше времени, чтобы подучить Недоноска. Пусть скажет «да», проживет чуть подольше. И еще – следи, чтобы его раньше времени не угробили.

Глава 4. Убей свое Супер-Эго

Оказалось, замуровали меня не навсегда. Но просидел я в гнетущем полумраке храма несколько часов. Прислушивался к тому, что происходило снаружи. Там «вечеринка» какое-то время продолжалась: жрецы пели, что-то кричали, толпа ликующе взрёвывала. Я молился всем богам, чтобы они там не поедали обезглавленное тело жертвы. Слышал я о таких дикарских племенах, в Америке, в основном. Даже не очень и дикарских…

Еще больше я молился о том, чтобы я, наконец, открыл глаза и перестал видеть этот нескончаемый кошмар. Закрывал глаза, жмурился что есть силы, как будто это повысит вероятность чуда.

Увы. Раз за разом я видел только сумрак храма, да довольную пасть желтой твари. И оставался наедине со своими мыслями. Аутотренинг помогал плохо. Вернее, совсем не помогал: ужас от происшедшего, страх перед непонятным будущим хозяевами бродили в моем сознании. Если бы меня вел другой специалист, еще были шансы унять панику. Но второго психолога в этом мире, похоже, нет вообще.

«Поздравь себя, – хихикнули из-за ментальной двери. – Ты уникум! Единственный психолог на целой планете!».

Я спешно заколотил дверь всеми возможными досками – сейчас вот только внутреннего диалога мне не хватало!

Когда ворота храма распахнули, я кинулся к шаманышам едва ли не с объятьями! Меня всего потряхивало, хотелось поскорее выбраться из пугающей темноты храма.

Снаружи смеркалось. Толпа разошлась, Медработника тоже не было видно. Унесли и тело жертвы. Я вглядывался, но не нашел следов разделки. Может, похоронили? Надеюсь, что все-таки они не каннибалы.

По дороге из желтого кирпича меня довели до дворца. Ненавистный зал, коридоры – и я снова в своей комнате. Единственное место, где я чувствовал хоть какую-то защищенность. Иллюзорную, но всё же. Я зарылся было в постель, но спать еще не хотелось, а лежать без дела – значит, опять запустить безумный галоп мыслей. Откинул колючую простыню, стал бродить от стены к стене, изучая разнообразную утварь, разложенную на полочках, сваленную в корзинах и сундучках. Стены, кстати, были густо разрисованы. Роспись старая, выцветшая, но многое еще можно разобрать. Уродливые человечки бегали меж деревьев, домиков и других непонятных… объектов. Размахивали руками, сцеплялись друг с другом в борьбе… или танце? Немногочисленные звери были нарисованы гораздо реалистичнее – уж не знаю, почему им такая честь?

Снова шаги. Я испуганно обернулся, но с облегчением увидел прежних служанок. Снова поднос, снова кувшин. На этот раз меня помиловали – никакой кровавой каши на блюде. Я теперь к ней притронуться не смогу. На этот раз меня собирались накормить мясом, обжаренным (или потушенным?) вперемежку с кусочками чего-то желто-коричневого. Я осторожно попробовал – тыква!

Безвкусная, но понятная еда. Заставил себя поесть, потом присосался к кувшину. Та же затхлая теплая вода. Похоже, свежей здесь просто нет.

За окном совсем стемнело, а сон не шел. Я бродил загнанным зверем, наконец, просто сел в угол комнаты. Обхватил здоровой рукой колени и заставил себя вспоминать стихи. Хоть какие-нибудь, хоть детские…

«Зайку бросила хозяйка, под дождем остался зайка…».

Внутри царила сосущая пустота. Не холодящий кусок льда, но тоже мало хорошего. Пустота засасывает. Она, как вакуум, втягивает в себя твои мысли, страсти, мечты, планы… Когда ночью служанки зашли «за посудой», они с испугом замерли: их «император» сидел в углу на корточках, ритмично покачиваясь в такт замедлившемуся сердцебиению. Я, кажется, впал в легкий транс. Служанки прижались друг к другу, но профессионализм в них победил робость. Девчонки подобрали поднос с кувшином и устремились к выходу. Однако, та из них, что пониже росточком остановилась.

Клянусь, я почувствовал ее взгляд, и словно легкий ожог вывел меня из оцепенения! Девушка вспыхнула и собралась упорхнуть за занавеси, но я уже вскочили на затекшие ноги и за три широких шага доковылял до нее. Ухватил за предплечье и, забыв об осторожности, прошептал:

– Не уходи! Не оставляй меня одного!

На чистом русском, ибо не было у меня другого языка под рукой. Но я не мог ее отпустить! Не мог лишиться того тепла, что она подарила мне. Пусть это всего лишь мимолетная жалость к слетевшему с катушек «императору» – мне с избытком хватило бы и этого!

Девушка, конечно, ничего не поняла. Но царственная рука явно велела ей подчиняться. Она неспешно опустила кувшин на пол, встала передо мной на колени и начала молча распутывать набедренную повязку. Явно не в первый раз.

«Вот так, значит, он требовал себя утешать» – только и успело промелькнуть в моем мозгу, пока тестостерон не заполонил кровеносные сосуды.

Я резко сел. Утреннее солнце било своими стрелами в узкое оконце, намекая, что нефиг дрыхнуть. Нет. Я всё еще в этом мире. В мире, где люди дерутся за право, чтобы им прилюдно отрубили голову, а толпа радуется этому, как чудесам ярмарочного фокусника. Воспоминания о жертвоприношении по-прежнему окатывали меня волной озноба, но вчерашнего ступора уже не было. Потому что…

Я оглянулся. Девушки в постели не было. Видимо, ночью, дождавшись, когда владыка уснет, она встала и ушла по своим служанковским делам. Но в постели остался лежать ее простенький браслет. То ли забыла, то ли с намеком оставила. Я прикрыл глаза, окунувшись в ночные воспоминания.

Что сказать: это был самый худший секс в моей жизни. Даже, когда я весь в волнении и поту запоздало лишался девственности, вышло лучше. И главной причиной ночной неудачи было полное непонимание, чего каждый из нас хочет. Я не мог объяснить, дикарка же не считала нужным сообщать «императору» о своих желаниях. Она тут, чтобы его волю исполнять. И поверьте, это только на словах звучит маняще. В деле же пассивная, безынициативная женщина – это просто кошмар! По счастью, у меня все-таки было молодое, полное потребностей тело, так что на эрекции это не сказывалось. «Солдатик» резво принял боевое положение, и уложить его не могли никакие конфузы. А они были, ибо приходилось «вручную» расставлять каждую часть тела девушки.

Сначала она монотонно «выполняла» оральные ласки, следуя воле «императора». Когда я, весь распаленный, поднял ее и повлек к постели, она несказанно удивилась. Но не перечила. Девушка казалась очень молодой. Настолько, что я даже себе боюсь озвучить предположения о ее возрасте. И, тем не менее, она точно не была девственницей. Ситуацию усугубляла моя треклятая правая рука, из-за которой мне были физически недоступны многие радости секса. Я искал приемлемую позицию, но в голове крутилось: а принято ли такое в их культуре? Вспомните пуританскую Европу с исключительной монополией миссионерской позы! Вдруг здесь тоже имеется табу, и утречком девчушка побежит к Медработнику и доложит, что «император» вовлек ее в гнуснейший из грехов преступным сочетанием?

Правда, думал об этом я не очень старательно. Кровь отлила от мозга куда положено, и цель всей моей жизни сейчас была предельно конкретной. Которой я не мытьем, так катанием, но добился!

Да, это был ужасный секс. Но даже самый ужасный секс радикально перестраивает гормональный фон организма. Особенно, такого юного, что достался мне. В груди кипела жизнь. Жажда жизни! Ситуация не изменилась, зато изменилось отношение к ней. То, что не могли решить тренинги, попытки анализа, легко решил вяленький и конфузный секс.

Я прожил в этом мире уже два дня. Два дня! В полной изоляции и непонимании окружающего мира! Я косячил, но пока справлялся. А значит, смогу здесь выжить. Обязательно смогу! Назло всем месропам и прочим рептилоидам, что спрятались за спиной бородача.

Мне нужен план.

Я скомкал постель, привалил получившийся тюк к стенке, удобно уселся, взял в руку служанкин браслет, сконцентрировался на нем и начал укладывать имеющуюся информацию в систему.

Во-первых, мое тело. Во время ночных кувырканий я ознакомился с ним лучше, чем за предыдущие сутки. Оно молодо. Точно не больше 20 лет, но, скорее всего, еще моложе. Я теперь высокий, по местным меркам, даже очень. Но, при этом, сутулый, с легкой степенью ожирения, особенно на отвислом животе, одышливый. Член маленький. Хотя, это к делу не относится. Главная проблема – полупарализованная усохшая правая рука. Я до сих пор забываю об этом факте, постоянно пытаюсь ею что-нибудь сделать. И рука даже отзывается на сигналы мозга, да только ничего делать неспособна. Маленькая, атрофированная, скрюченная.

Далее: я несомненно местный правитель. Уж не знаю чего, одной большой деревни или целой страны. Власть моя священна и как-то связана с местной религией. Но, похоже, этой власти не так уж и много. Да, обо мне заботятся. Кормят, поят, одевают. Секс вон предоставляют. Но на этом, похоже, всё. Я больше похож на ценную вещь, чем на правителя. Потому что за всё это время никто не поинтересовался моим мнением по «государственным вопросам», никто не стремился исполнять мою волю (кроме юных служанок). Даже тетка-кормилица просто делала то, что привыкла делать со мной. И это не из-за того, что я вселился в тело паренька, и «император» поехал кукухой. Нет, такая система здесь уже давно устоялась и стала привычной. Меня не слушают, мне указывают, что делать. А кое-кто даже позволяет придавить горло локтем и угрожать!

Положение весьма шаткое, но пока трудно понять, насколько. Единственное, что ясно: незримые хозяева Месропа сделали всё, чтобы максимально исказить мои условия! Очень извращенное чувство юмора.

Вот и отправили меня далеко не Версаль. Очень далеко.

«А куда? Есть мнения?» – полюбопытствовали из-за дверей.

У меня было мнение. Скажу прямо, я сразу заподозрил, куда попал, и дальнейшие наблюдения только подтверждали выводы. Меня окружали смуглые, черноволосые, носатые и, главное, безбородые люди. Они любили утыкивать перьями голову… и одежду, и постель даже! Всё в перьях! Храм желтого червяка стоял на некоей эрзац-пирамиде из двух ступеней.

Индейцы. Это явно были коренные обитатели Америки, и, судя по всему, некоренные (то бишь, мои расовые братья-беляши) еще не появились. Когда там Колумб открыл Америку? В пятнадцатом или шестнадцатом веках? В общем, скорее всего, это и есть верхняя планка моего попадания. А нижняя… Тут я разводил руками. Такие индейские общества могли существовать и тысячу лет назад, и две, и три, наверное.

С народом тоже всё непонятно. Может, это майя, ацтеки, инки. А может любое другое из десятков племен. Ведь на достаточно высокий культурный уровень вышли многие индейские народы. Это только в школьном учебнике право на цивилизованность оставили лишь для трех.

А ребята, вокруг меня и впрямь были довольно культурными. Это я так, по злобе и страху их дикарями называю. А на самом деле, это был не такой уж и варварский народ. С одной стороны, конечно, ходят полуголые, размалеванные, используют каменные орудия. Но с другой: строят кирпичные дома, в два этажа! Стены штукатурят известкой. Есть керамика, есть одежда из ткани. Грубой, жесткой, но настоящей ткани. Во время моего выгула на жертвоприношение, я явно разглядел засаженные чем-то огороды: высокие, аккуратные грядки.

«А еще золото», – подкинули из-за двери.

Точно. В моей короне-икебане были литые золотые украшения. На «матери» тоже что-то подобное было, но та чем только не была увешана. Вообще, мне кажется, местная элита полудрагоценные камни ценит больше золота. Но в любом случае, золото здесь умеют и плавить и обрабатывать… Если это не привозные вещи.

В этом вопросе тоже пока было непонимание. Что есть мои подданные? Молодой народ на заре культурного развития? Или какая-нибудь глухомань-периферия могучей и развитой цивилизации? Здесь ведь и мое положение совершенно будет разниться. Я могу оказаться владыкой зарождающейся цивилизации, в окружении глупых и робких дикарей. Или наоборот, каким-нибудь мелким князьком окраинной провинции в рамках великой державы.

Главрайона.

Как там у них князьки назывались? Я же читал… Касики! Вот! Касик районной администрации. Блин, до чего же несерьезное и смешное слово!

«Эй, касик! Быстро собрал налоги! Быстро прислал нам налоги! Столица ждет! Что значит, не могу? Языком не владеешь? Так пошел вон с ответственного поста, касик!».

И срывают с моей головы икебану, дают пинок под зад. Даже без выходного пособия. Хотя… Это я еще позитивно спроецировал. Вернее всего, подвесят меня за ноги и голову отрубят – на радость толпе и желтому червяку.

Ладно, до этого еще дожить надо. Пока у меня другие задачи.

«Одна у тебя задача! – хмыкнули из-за двери. – Выжить!».

Всё верно. Выжить. Только это сильно общо звучит. Как выжить? Как уцелеть в этом совершенно чужом мире? Вчерашнее жертвоприношение многому меня научило. Я, конечно, оказался совершенно не готов к подобным зверствам. Психика не выдержала. Я ушел в отрицание, замкнулся. Черт его знает, чем бы этот стресс закончился, если бы не послушная девушка и неказистый секс. Но на такие счастливые случаи мне рассчитывать не стоит.

В чем моя проблема? А в том, что я приперся в этот мир вместе с обузой в лице Супер-Эго. Со всеми нравственными установками, правилами, запретами XXI века. А здесь совсем другие люди! Они не знают учения Христа, не чтут уголовный кодекс, не читали Достоевского и уж точно не интересуются вопросами феминизма. Я едва коснулся их образа жизни, а Супер-Эго тут же врубило защитные механизмы. Если я хочу выжить здесь, мне нужно избавиться от этого груза. Этика, мораль, законы, даже наука – всё, что растило меня там! – в этом мире может меня погубить.

Отказаться от всего! Искренне и честно. Не позволять этим вещам управлять моими решениями. Едва только замечу, что ухожу в отказ, выдаю желаемое за действительное, игнорирую неприятные факты – сразу выжигать это каленым железом!

Если уж на что и опираться здесь, так лучше на Оно. Пусть моими советчиками станут инстинкты. Бей или беги; никому не доверяй; хорошо то, что доставляет удовольствие; пугает – уничтожь! Вот эти правила должны стать моей новой моралью. Если что и объединяет меня с этими людьми, так это Подсознание, уходящее в глубь веков у каждого человека.

«Хочешь скатиться до звериного состояния?».

«Если что и поможет мне здесь выжить – так это как раз звериное состояние».

Глава 5. Ай!

И я начал выживать. Цель всегда мобилизует. Существование моментально стало осознанным. В каждом своем действии я начал искать смысл. И это будоражило.

Прежде всего, надо было обезопасить тело. Тело было не ахти, даже не говоря о правой руке. Ясно, что в срочном порядке нужно менять набор питания. Это же тропики! Давайте мне фрукты/овощи, да с мясом! Буду теперь отвергать всё непотребное и требовать больше полезного. С водой тоже надо что-то решать: кипятить что ли?

Затем нагрузки. Мой «император» явно жил удовольствиями, особо не думая, как они сказываются на его организме: сердце, кровеносной системе, печени и других органах. Не знаю, чем было вызвано такое наплевательское отношение. Может, просто нехваткой знаний о том, как жить вредно, а как полезно. Но я видел здесь немало крепких, здоровых людей. Один генерал Глыба чего стоит! Не исключено, что у парня была психологическая травма из-за инвалидности. Ощущал себя неполноценным, ненавидел свое тело. Но вернее всего, его просто воспитали лентяем. Есть все условия жрать и бездельничать – почему и потратить на это всю жизнь?

Но мы это дело прекратим.

Самый главный момент в вопросе безопасности: как скрыть свое незнание языка? Два дня игры в молчанку – это уже перебор. И чем дальше, тем хуже.

Я стал дожидаться первого визитера. Им оказалась «матушка». Как обычно, она пришла вся закутанная в сорок одежек, со сложной фигурой из волос, закрепленных то ли жиром, то ли воском, и с изобилием побрякушек на руках, шее, голове. Женщина взяла с места карьер. Подсела ко мне, принялась старательно поглаживать больную руку и говорила-говорила без умолку. Судя по просительным интонациям, это была вчерашняя пластинка: сделай то, что велит Хозяин! Нам от этого будет только лучше.

Поглаживания были приятны. Наверняка, так она утешала маленького «императреныша»-инвалида уже много лет. Но при этом, я не чувствовал какого-то особого тепла к этой женщине. Даже близко не было того, что я чувствовал к няньке-кормилице.

«Дефицит внимания» – машинально отметил мой внутренний психолог. Периодически я кивал, показывая, что участвую в беседе. И внимательно слушал: стараясь запоминать звучание языка. Какие-то комбинации звуков повторялись – то есть, я начал уже выделять отдельные слова в этом мелодичном булькании. Оставалось понять их.

«Мамаша» оказалась очень старательной, видимо, Хозяин замотивировал ее по самое не хочу. Речь была очень долгой, почти без пауз, и шанс выпал только тогда, когда она задала мне какой-то вопрос. Замерла в ожидании, и я понял, что это мой выход.

Замычал что-то нечленораздельно, потом открыл рот и стал тыкать пальцем внутрь. Язык я раздул максимально – тот едва не вываливался изо рта. К тому же, он был весь красный, в царапках и язвочках – это я заблаговременно наколупал их стенки сухие комочки глины и извести, и старательно растер этим язык. Щипало жутко, но и эффект, похоже, был заметным. «Мать» заохала, а я усугубил ситуацию, постанывая и показывая, как мне больно.

После этого, беседа быстро свернулась, и «матушка» быстро покинула апартаменты. Я понадеялся, что она скоренько разнесет по дворцу и деревне грустную весть о странном заболевании «императора», и к его молчанию все станут относиться с пониманием.

Что сказать… Я недооценил возможности этой женщины. Часа не прошло, как ко мне заявился Медработник. Без слов велел распахнуть пасть. Смотрел, всё норовил залезть в рот грязными пальцами, но я крепко сжимал челюсти. Видимо, поставив диагноз, он приступил к лечению. Диагноз понятный даже мне: в тело залезли злые духи. Вокруг меня пошли клубы дыма, затрещали трещотки, начала выписывать фигуры скалка (по счастью, та, что без лезвия). Жрец запел какие-то новые песни, угрожающе накидывался на меня – вероятно, пугал духов в моей пасти. Я старательно пугался, ожидая, когда же эта идиотия закончится. Но Медработник так просто сдаваться не хотел. Покончив с «теорией», он перешел к практике. Вынул из-за пояса нож (тот самый!) и нацелился им прямо в мой рот. Не знаю, что он там удумал: вскрыть гипотетический нарыв или вообще отчекрыжить мой язык? Мол, нет органа – нет проблемы. Но я дожидаться ответа не стал.

– Намо! Намо! – заорал я, не забывая говорить это невнятно, с «полным ртом».

Жрец остановился. Забормотал что-то монотонно, а когда я чуток расслабился, быстро ухватил мою калечную руку и полосанул ножом по большому пальцу.

– Ай! – вскрикнул я от резкой боли.

Медработник аж замер с ножом в руке. Что-то его поразило. «Ай» что ли никогда не слышал? Он буравил меня взглядом несколько вдохов. Но потом все-таки вернулся к «лечению». Выжал из порезанного пальца несколько капель крови на дымящуюся плошку. Добавил из кисета сухих трав, раздул огонек и принялся окуривать мою голову, что-то наговаривая. Я теперь бдительности не терял:

следил за рукой с ножом и держал рот на замке во всех смыслах. Этот деятельный и проницательный мужик мне всё меньше и меньше нравился. Даже меньше, чем Хозяин.

Когда, наконец, жрец ушел вместе со своим кадилом, я бодро вскочил, ибо у меня созрела новая идея.

Выглянул в коридор, но няньки не было. Поорать? А что орать-то? Прошелся вдоль коридора и нашел проем в маленькую темную клетушку – не сильно больше того сортира. Вот тут она и обитала. Лежала себе на циновочке, практически на полу. При виде «императора» бодро вскочила, склонилась, протянув руки к владыке и затараторив ритуальные фразы. Я дождался, когда она распрямится и поманил рукой. Мы снова прогулялись до туалета, там я бодро опорожнился по всем фронтам. Старательно не краснея и глядя прямо в глаза кормилице. Раз тут не стесняются таких вещей, то значит, это постыдная слабость жителя XXI века. И от нее надо безжалостно избавляться.

А потом, когда нянька потянула было меня обратно, вдруг прихватил ее за руку и повлек в другую сторону. Пора знакомиться со своими владениями! Тетка удивилась, но сдержалась и покорно последовала за мной. Мне она была нужна. Поможет, поддержит, а, если уж совсем в непозволительные места сунусь – остановит. Главное – с ней было не так страшно.

Очень скоро второй этаж кончился, и мы спустились по лестнице я спустился с другой стороны. Опять начались путаные повороты. Я косил взглядом в каждую дырку, но старался не демонстрировать свое любопытство. По официальной версии я тут и так все знаю. Некоторые проемы имели настоящие двери. Любопытно. Вот моя спальня – покои самого императора! – дверей не имела. Что же может находиться за ними? Проверять я опять-таки не стал.

Вру! В одну я все-таки вломился! Потому что нос не мог меня обмануть – там пахло кухней. Осторожно распахнул дверь и понял, что не ошибся. Странная, конечно была кухня: вытянутая узкая комната сразу с несколькими выходами наружу. Вдоль стен стояли мешки, разномастные кувшины, висели на веревках пучки каких-то трав, сушеное мясо и опять же какие-то мешочки. В комнате стояли низенькие столики – ниже колена. Подле них на циновках сидели несколько женщин, которые что-то резали, месили, потрошили. Все они гневно обернулись на скрипнувшую дверь, но, увидев меня, просто ошалели. Нянька протиснулась вперед, что-то сухо бросила – и тетки вскочили в почтительном

поклоне.

Я прошел внутрь и начал осматриваться с хозяйским видом. Много выходов на улицу было потому, что снаружи стояли штук пять печей. Они расположились в маленьком дворик, огороженным невысоким глиняным забором, мне примерно по грудь. Внутри же проходил подготовительный процесс готовки. Тут же был небольшой склад. В основном, тут были мешки с крупой, я быстро опознал в ней кукурузу. Кукурузной кашей напополам с кровью и чем-то еще меня и кормили.

А еще что? Нашел какие-то овощи, но немного. В принципе, логично: овощи созревают в короткие периоды, а зерно хранится годами. Потому и пихают кашу… Но с этим надо бороться. Я привлек внимание кухарок, начал тыкать пальцем на разные продукты, а потом показывал на себя. Вдруг увидел на столике свежую тушку! Непонятно кого, возможно, поросенка. Оживился, начал с удвоенным усилием тыкать в него, а потом – в свое отвисшее брюшко. Кухарка – видимо, старшая здесь – как-то вся побледнела, погрустнела. Но после паузы кивнула, склонилась.

Похоже, поросенок предназначался кому-то другому. Плевать! Пусть выкручиваются. В конце концов, мне он целиком не нужен.

Нашел я и воду. В дальнем углу стоял пяток больших глиняных чанов – почти бочек, в которых тихо кисла вода.

«Понятненько, – вздохнул я. – Видимо, их с утра кто-то наполняет. И стоит себе целый день, а то и дольше. Вряд ли эти кадушки отмывают перед наполнением. В таких всякое может завестись».

Я подобрал стоявший рядом пустой кувшин и огляделся. Кто тут обычно воду носит? Во дворике, в дальнем конце стоял мужичок: высокий, почти как я, но какой-то слегка перекособоченный. Он расположился у кучи хвороста и неспешно ломал палки об колено. Для печей.

«Похоже, это наш пациент».

Я подошел к работнику, выждал положенное время на поклоны и бормотание титулатуры, а потом сунул пустой кувшин ему в руки. И жестами объяснил: наполни, мол. Ошалевший мужик, тем не менее, был настолько ленив, что

махнул головой на кухню: в чанах наберешь.

Это мне-то!

По счастью, в ситуацию вмешалась моя нянька. Она вылетела вперед и с криками накинулась на слугу: да ты страх потерял, отморозок! Счас государь-ампиратор твою шкуру на ремешки пустит!

Проняло. Работник пробурчал малоискренние извинения, прижал кувшин к пузу и пошел. А я двинул следом. Мужик уже испуганно на меня оборачивался, но шел дальше. Он выбрался за ограду, углубился в скалы по еле приметной тропинке. В этой стороне почти никто не селился, ближайшие домики были гораздо выше или вообще с другой стороны дворца.

Преследуя слугу, я вышел к ручью. Вот здесь, похоже, воду на дворец и берут. Путь недолгий, но дорога неудобная, понятно, почему мужик не хотел идти лишний раз. В удобно обустроенной ложбинке он как раз подставил горлышко сосуда под алмазную струю.

«Ладно, не буду его мучить» – решил я и поманил работника к себе. Вместе с полупустым кувшином. Сделал большой глоток. Хорошая, свежая вода. Вот такая мне и нужна, а то от тухлятины в кадушках и подхватить что-нибудь можно. Я же намерен прожить подольше и болеть поменьше. С местным здравоохранинием я уже имел сомнительную честь познакомиться.

Вернулся на кухню, выбрал кухарку потолще, решив, что она и есть тут главная. Показал пальцем на себя. Потом на кувшин. Потом махнул в сторону ручья. Еще раз повторил всю цепочку и глянул на нее грозно-грозно! Надеюсь, баба поймет, что я от нее хочу.

Я же, вернее, мое нетренированное тело хотело в свою комнату. Конечно, стыд-позор, но, с другой стороны, сегодня я сделал много. Заслужил отдых.

Вечером она пришла одна. Моя служанка. Моя маленькая женщина. Не знаю, чья это была инициатива: сама девочка отшила напарницу или наверху решили, что «императору» надо теперь отправлять только ту, что полюбилась. Но она пришла одна. Уверенно несла блюдо на голове, а кувшин с водой – в свободной руке. Я улыбнулся ей – искренне и от души.

«Что там у нас?» – потянулся я к блюду. Зажаренные окорочка поросенка! И овощи – порубленные и сырые. Похоже, кухарки так меня перепугались, что наложили всё, во что я тыкал своим царственным пальцем. И даже готовить не стали, вдруг я хотел это всё в изначальном виде?

«Ничего! Пойдет!» – я подсел к столу. И поманил рукой мою служаночку. Та поначалу смущенно качала головой, но подчинилась, когда я начал шутейно хмуриться. Вся раскрасневшаяся, она подсела к блюду сбоку, а я внимательно следил за каждым ее движением: как тут принято сидеть, как брать еду. По счастью, никаких молитв перед началом она не творила, ничего не отливала, не откладывала для каких-нибудь духов. Значит, можно просто есть. Есть и любоваться на почти неприкрытое тело девушки. После вчерашнего она мне казалась намного симпатичнее. Юное тело начало кипеть и требовать. Но мы погодим. Я, конечно, решил следовать своему Оно и трудиться исключительно для своей пользы и удовольствия, но польза она ведь разная. И эта девушка – ресурс не только для любовных утех.

И тут меня озарило! Я привлек ее внимание и указал пальцем на глиняное блюдо. Девчушка тут же смутилась, силясь понять, что же я от нее хочу. Пододвинула миску мне поближе. Я помотал головой. Ткнул пальцем в блюдо и показал на ее губы. Служанка перепугалась еще больше. Робко взяла кусочек какой-то еды и сунула в рот. Я закатил глаза. Отнял еду, снова ткнул пальцем в посуду, даже постучал им по стенке, указал на ее губы и изобразил кистью процесс говорения.

– Пацитла? – неуверенно произнесла она.

Я взволновался. Как проверить: назвала ли она миску на их языке или просто спросила меня: чё те надо? Начал суетливо оглядывать комнату, увидел, наконец, еще какую-то чашку и метнулся к ней. Вытряхнул прямо на пол мелочевку, которой та была заполнена и снова начал тыкать пальцем в новую чашку.

– Пацитла, – уже чуть увереннее подтвердила девушка.

Я перевел указующий перст на прежнее блюдо с едой.

– Пацитла, – уже с улыбкой подтвердила моя маленькая красавица.

– Вема! – максимально невнятно воскликнул я, достал из миски самый вкусный кусочек и скормил ей с руки.

Наверное, можно подумать, что я занялся дрессировкой человека? Более того – женщины? Да ни в коем случае! Просто девушка должна думать, что это просто странная игра. Причуда «царя-батюшки». А в игре должна быть победа и приз. Девочка будет играть, а я – учить язык.

И мы продолжили играть. Я не позволял ей есть, покуда она не выполнит задание, а именно не назовет какую-нибудь очередную вещь. Передник, матрас, жареное мясо, пол, накидка из перьев, сандалии, окно, чашка, нож (да, я нашел в своих закромах черный каменный нож с изысканной рукояткой). И так далее. Девчуля уже наелась до отвала, а я всё еще не утолил голод знаний. Как же мне не хватало сейчас блокнота с ручкой, чтобы всё тщательно написать! Я по двадцать раз повторял про себя каждое новое выученное слово, пока служанка двадцать раз пережевывала очередной «приз победителя».

Наконец, я ткнул пальцем прямо в ямочку на месте сплетения ее чудных ключиц.

– Ти-иуайицли, – пропела девушка на редкость музыкальное слово.

«До чего же красиво» – улыбнулся я. Ткнул пальцем в себя.

И услышал такую длинную тираду в ответ, что практически ничего не запомнил. Только концовку: «митла» или «метла».

«Ну, побуду пока Метлой» – улыбнулся я. Решил, что урок надо заканчивать, опустил руку вниз и указал пальцем на ее потайное место, укрытое простым, нерасписным передником. Ти-иуайицли покраснела, захихикала, прикрыв ладошкой лицо. И ученик с учительницей занялись совсем другими упражнениями.

Стало совсем темно, когда мы обессиленные рухнули на постель. Ти-иуайицли тяжело дышала, смуглое лицо ее пылало. Наконец, вспомнив о своих обязанностях, она поднялась, взяла крохотную лампадку – единственную, что

освещала комнату и от нее зажгла несколько фитилей. Полумрак почти не рассеялся, но приобрел приятный желто-красный оттенок. Я поманил девушку к себе. Из-род матраса вынул забытый ею браслетик. Показал, а потом прижал к себе: мол, оставлю на память. Но тут же утешил ее и принялся снимать широкий браслет зеленого камня с недоделанной своей правой руки. Служанка поняла мои намерения и совершенно искренне пришла в ужас.

– Намо! Намо! – затараторила она, выставив перед собой крошечные ладошки.

Я понял, что дал маху. Это, видимо, не просто украшение.

«Может, я ей сейчас чуть не подарил местный скипетр или державу?».

Потом опять начал шарить по полочкам. Нашел что-то вроде шкатулки, в которых обязаны водиться украшения. Вынул первую попавшуюся висюльку: какая-то маленькая птичка распахнула крылья и летела вверх. Камень был полупрозрачный, резьба – весьма искусная.

– На, – протянул ей и выдохнул с облегчением: девчуля радостно улыбнулась и прижала подарок к груди.

А потом наступила ночь.

Глава 6. А сапоги у вас над головами не свистели?

«Ти-иуайицли» – смаковал я имя моей… наложницы. Что уж скрывать! Такое нежное, певучее имя – словно, маленькая птичка насвистывает, сидя на веточке. Соловей какой-нибудь (который в этих краях уж точно не водится). Соловушка… Не знаю, как перевести «Ти-иуайицли»; пусть это и будет «Соловушка».

Воспоминания о ночи были сладкими. Отрадно знать, что вечером она снова придет, и всё опять повторится. А потом она просто тихонько уйдет… куда-то, где она обитает. Конечно, это было очень эгоистично! Ужасно эгоистично! Но такие мысли роились в моей голове, и они доставляли мне удовольствие.

Не так уж это и плохо – быть «императором»! Даже такой деревни. С ее ужасами и отсутствием банальных удобств.

При том, что секс стал моим регулярным спутником, я не забывал и об «образовательных играх». Соловушка наедалась до отвала, а я расширял свой словарный запас. За три-четыре дня я уже знал почти двести слов на местном языке. Боялся их забыть, поэтому часто просил девушку повторять уже изученное. Проблема в том, что почти все они были существительными и в основном описывали предметы в моей комнате. Но, по счастью, я вспомнил о росписях на стенах – и мы резко расширили лексический арсенал. Я узнал, как местные называют оленя, мелкую хрюшку, здоровую хищную кошку (ягуар, наверное) и так далее. Сложнее было с глаголами. Что-то я пытался изобразить сам. Как сплю, как ем, как хожу, бегу. Но всегда была опасность передать смысл слова неточно.

Когда Соловушка уходила, я старательно повторял выученные слова – уже вслух. И здесь обнаружил приятный бонус: у меня не было никаких проблем с артикуляцией и произношением. Речевой аппарат моего нового тела годами привык говорить именно на местном языке. Мышечная память дала свои плоды: все слова я произносил легко и чисто. Главное, научиться эти слова правильно комбинировать.

Но, конечно, говорить я не мог. Зато на слух начал потихоньку разбираться. Меня ведь надолго одного не оставляли. Хотя, четыре следующих дня «императора» никуда не таскали, зато гости были постоянными. «Матушка» приходила, как на работу. Медработник тоже проведывал, и всё норовил осмотреть язык. Был Глиняный Толстяк, Хозяин один раз зашел. И все они говорили. Кто просил, кто объяснял, что делился новостями. Я уже четко слышал фразы, начинал понимать принцип их построения. Узнавал отдельные слова. Пару раз мне казалось, что я даже понял в общих чертах отдельные реплики. Жаль, проверить это было нельзя.

А в контексте даже можно было догадаться о смысле незнакомых слов. Так, в беседе с «матушкой» я постиг слово «плохой» (это был я), а затем и «хороший» (это уже о ком-то другом). Догадки вечерами я проверял на своей наложнице.

«Эх, если бы мне не нужно было скрывать то, что я учу язык – дело еще быстрее пошло!» – вздыхал я. Но и так было неплохо! Что ни говори, а полное погружение в новую языковую среду – это эффективный метод.

Прогулки с нянькой тоже стали ежедневными. Во-первых, я замучил своими инспекциями кухарок. Через два дня они уже четко понимали, что «император» окончательно охамел, отказывается есть вареную кукурузу с кровью и прочими прелестями. Ему подавай фрукты, да мясо с овощами! Я даже сумел им объяснить, что хочу соленую еду. Соль здесь знали, но, похоже, использовали крайне ограниченно.

Я постоянно расширял географию прогулок. Вскоре понял, что второй этаж дворца – это только несколько комнат для самых титулованных и их приближенных. А ровно под нами находятся склады. Большие помещения, набитые… не знаю, чем они были набитые. Я сунулся было за дверь, но стража что-то у меня просила. Вежливо, но непреклонно. Что им нужно – я не понял, поэтому решил пока не лезть. Может, в полу спальни дырку просверлить и посмотреть?

Кстати, о страже! Бродя по переходам дворца, я набрел и на их лежбище. Если кухня находилась позади от парадного входа, то комнаты стражников были, наоборот, поблизости, у северной боковой стены. Их закуток так же имел выход в отдельный дворик: узкий и очень длинный. И я сразу понял, почему двор именно такой, едва только вышел в него из темного коридора.

Мимо меня пролетели самые настоящие копья! Просвистели над самой головой! Штук шесть. Или пятьдесят. Я не считал, потому что сердце мое остановилось, и я с криком отпрянул назад. И с запоздалым стыдом услышал глумливые смешки. Строить из себя важную птицу было поздно. Я осторожно выглянул из проема. Слева у ближней стенки стояли воины – больше десятка. И почти не сдерживали улыбок. Дерзкие, наглые. Я почувствовал, что здесь защита няньки может не сработать. Оставалось только улыбнуться и сделать вид, что всё нормально.

Я подошел к своим защитникам. Те, конечно, сделали необходимое «ку», но далеко не все старательно гнули спины. Нда… Вот такая у меня стража. Запомним.

Как выяснилось, ребята тренировались в метании копий. Ну, как, копий. Тоненькие тростинки с каменными наконечниками. Дротики. Очень длинные дротики. Только вот метали их воины с помощью какой-то странной штуки: полуметровая палка с загнутым концом.

«Покажите-ка!» – изобразил я жестами. Один страж пожал плечами и вышел к линии броска. Сложил кривую палку и дротик так, чтобы последний уперся торцом в ложбинку кривули. Замахнулся и резко выбросил руку вперед. Дротик вылетел с такой силой, что я ахнул. Он пролетел почти по прямой через весь двор и вонзился в толстый сноп. Еще один воин с улыбкой протянул оружие мне и что-то сказал. Как бы и без языка было ясно: попробуйте, вашество!

А ничего, что я калека однорукий?

И все-таки было любопытно. К тому же, показалось несложным. Я протянул здоровую руку.

Ну, что сказать: этот поступок отравил мне настроение до конца вечера. Дважды дротик вываливался из ложбинки копьеметалки. С третьей попытки я его все-таки метнул… на шесть или семь шагов. Непобежденный сноп стоял и ухмылялся.

А стражи откровенно гоготали. Я попытался снова защититься улыбкой. Но вышло неубедительно. Благословил их невнятно (я уже выучил положенную фразу) и поскорее ушел. Нянька едва поспевала за мной, я грубо отослал ее прочь и, наверное, час сидел в комнате. В общем, вел себя, как обиженный ребенок. Чтобы не забивать голову грустными мыслями, пошел бродить по коридорам. И вдруг прямо рядом с туалетом обнаружил лаз. Вернее, просто крохотную темную нишу. Там была узкая щель, в которую удалось с трудом протиснуться. Она несколько раз изгибалась, а потом я вдруг нащупал деревянную лестницу. Спустился по ней и обнаружил выход! Тоже неприметный, скрытый кустами.

Тайный лаз! Какое полезное открытие! Я пополз назад, но в темноте совсем не мог найти ту самую щель на свой этаж. Зато нащупал еще одну лестницу – наверх. Поднялся – и оказался на крыше. С нее открывался отличный вид на сотни метров вокруг. При желании можно было увидеть и дворик стражей, и кухонные печи. Но, главное, я смог обозреть большую часть деревни.

А она не такая уж и деревня. Люди здесь селились широко, кучками. То там с десяток домиков, то тут. Между ними лежали изогнутые прямоугольники полей, кучки деревьев или нагромождения скал. Потому что, оказывается, мы живем в горах. Черные стены виднелись и с севера и с юга. А вдали, в дымке виднелись

горы на востоке и западе.

Долина. По дну которой текла речушка. Она, конечно, горная, но именно возле деревни, где уклон был минимален, становилась похожей на равнинный поток: растеклась широким зеркалом, змеей извивалась между неровностей. Даже песчаные пляжи кое-где выглядывали из-под мутно синей юбки. Наша деревня целиком располагалась на южном берегу, ибо северная сторона была более гориста и густо заросла каким-то кустарником.

Бросался в глаза дефицит места. Под огороды и поля использовали каждый свободный пятачок. При этом местами зияли немалые заброшенные пространства. Люди куда-то уехали? Или эти земли почему-то непригодны?

Нет, мне очень нужен язык! Как можно быстрее!

А на следующий день я начал убеждать няньку выйти погулять по деревне. К моему удивлению, это вызвало переполох. Пришла «мать», приперся даже Хозяин, что-то мне втолковывали. Но я был непреклонен. Тогда меня начали обряжать в какие-то громоздкие одеяния с торчащими во все стороны перья, выделили слугу , чтобы прикрывал меня от солнца то ли огромным зонтом, то ли маленьким навесом на палке. А еще меня охраняли аж четверо стражей. Причем, один из них явно был из тех гоготавших надо мной воинов.

Не так я себе это представлял. Я хотел попробовать пообщаться с народом. Даже разучил несколько реплик, типа «Есть ли жалобы?», «Как вам живется в нашей прекрасной деревне?».

Конечно, это было ошибкой. Местные пейзане норовили свалить подальше от нашей пышной профессии. Кто не успевал – изгибался в усердном поклоне с протянутыми ко мне руками. Выходить из неудобной позы селяне категорически не желали, пока я не исчезну из вида. Я психанул и стоял над одним таким, пока у того спина не отвалилась. Сухонький мужичок все-таки разогнулся, и я его тут же спросил о его проблемах. Крестьянин вылупил на меня свои глаза в засохшей коре век, начал лепетать какие-то дежурные фразы, где я улавливал знакомые «хороший», «слава», «боги» и прочую шелуху.

Домой я вернулся совершенно разочарованным.

«Ох, и дебил вы, вашество! – вовсю изголялись надо мной из-за ментальной двери. – Вы что себя за президента-популиста приняли? Нет, вы тут не Борис Николаевич. И даже не Владимир Владимирович. Вы фигура еще более сакральная. Богами поставленная. А вот в бытовых вопросах – совершенно бесполезная. Ваше дело – чтобы боги ихние народ не обижали. А частные вопросы они с непосредственными начальниками решают».

Голос был на удивление прав сегодня. И всё же, меня удручало резкое ограничение моих личных возможностей и свободы. Надо придумать, как превратиться в местного Гаруна аль-Рашида. Тайный ход я уже нашел. Правда, вряд ли кто в этой деревне настолько слеп или глуп, что не узнает по морде лица местного «императора» со скрюченной правой рукой.

Однако, лазом я все-таки воспользовался. Ночью, когда Соловушка оставила мою постель, я нашел какую-то дубье потяжелее и выбрался на крышу. Раз уж у меня есть только левая рука, надо научиться хорошо ею пользоваться. Целый час я упражнялся под звездным небом: разил невидимых врагов, у которых лица были подозрительно похожи на ухмыляющиеся рожи стражников. Уж не знаю, насколько такие занятия эффективны, но тело мое взмокло основательно – и то польза.

А на следующий день я едва снова не окунулся в ужас, который силился забыть.

Это был пятый день после кошмара при входе в храм. И, как потом я выяснил, пять – сакральное число. Утро ничего не предвещало, я строил планы на день… Но за меня их уже построили.

Свиданка с Желтым Червяком.

Едва Медработник с компанией завалились ко мне, у меня пальцы похолодели. Воскурения, пляски, бодрые песни – всё по старому сценарию. Нарядили меня, как куклу, повели на рандеву. Я всеми силами пытался врубить заднюю. Никакие самовнушения не помогали, выкрики «ты же сам отрекся от Супер-Эго, так прими же их традиции!» – тоже не работали. Еще и погода, как назло выдалась пасмурная, тоскливая, разве что дождь не моросил.

Я был на грани депрессии, но в этот день мне повезло. Всё проходило по прошлому сценарию: площадь, шесть шумных кучек народу, шаманские пляски –

но теперь никто не вышел в центр! Никто на этот раз не решил, что его поганая жизнь стоит меньше сомнительной чести истыкать себя ножом и помереть во славу деревянного идола.

Медработник продлил свое сольное выступление на площади чуть дольше, видимо, как раз по этой причине. Его речь изобиловала словом «плохой» и его производными. Верховный жрец явно осуждал людей за их желание жить. Но вечеринка была свернута, мне дали незаметный сигнал, и я – уже слегка опытный и крайне вдохновленный – начал вышагивать к храму по желтой дороге. Где-то на полпути за мозговыми дверями запаниковали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/klenin_vasiliy/imperator-suhorukov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить